
Юрий Танчев
Семеро с ложкой

Юрий Танчев

Семеро с ложкой

«Автор»
2026

Танчев Ю.

Семеро с ложкой / Ю. Танчев — «Автор», 2026

В канун Нового года частный детектив Инга Ярцева, отложив все дела, по приглашению прибывает в роскошный, но мрачный особняк своего богатого дальнего родственника Степана Бражника, затерянный в зимней лесной глуши. Вместе с ней в доме собираются шестеро других родственников: легкомысленная сестра хозяина Стелла, странные братья-близнецы, амбициозный кузен с запуганной женой и мрачный, опустившийся племянник Аркаша. Однако за праздничным ужином выясняется, что Степан созвал всех не ради торжества, а чтобы объявить о своем завещании. Едва он успевает открыть папку с документами, как Стелла падает замертво, выпив отравленного вина. Связь с внешним миром отсутствует, дорогу замело бураном, а полиция не может пробиться на помощь. Пока за окнами бушует метель, в стенах особняка, полного тайных комнат, сейфов и запутанных коридоров, один за другим погибают наследники. Инге предстоит распутать клубок лжи, чтобы выжить самой и докопаться до истины, которая где-то рядом...

© Танчев Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. В ожидании бури 5
Глава 2. Дом, который дышит смертью 14
Глава 3. Старые скелеты и новые тайны 23
Глава 4. Ночной гость мертвецов 32
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Семеро с ложкой

Глава 1. В ожидании бури

Снег валил уже третьи сутки так, будто кто-то на небесах решил стереть с лица земли само понятие о дорогах и цивилизации.

Частный детектив Инга Ярцева сидела на заднем сиденье видавшего виды «УАЗа». Водитель дядя Миша, заросший густой чёрной бородой и усами, ласково называл свой вездеход «буханочка» — пусть и старая, но надёжная машина, которая служит верой и правдой, а главное – ремонтируется практически «на коленях».

Инга уныло смотрела на чёрный лес, мелькающий за запотевшим окном. Вокруг высились сосны и ели, укутанные в снежные саваны. Ничего живого в этой безмолвной пустыне — только снег и стволы, чёрные на белом, и тишина.

«Как я здесь оказалась?» — в тысячный раз спрашивала она себя, но ответа не было. Вернее, ответ был, но он совершенно выбивался из привычной логики, требующей причин и следствий — только одно письмо, пришедшее на электронную почту детективного агентства «Синг» три дня назад: «Инга, срочно приезжай. Степан». И адрес — без объяснений того, зачем она понадобилась человеку, которого видела всего дважды в жизни.

***

Накануне Инга отложила все важные дела и начала собираться в дорогу. И ради чего, спрашивается? Ради странного приглашения от дальнего родственника, чьё лицо она помнила смутно, а голос и вовсе не помнила.

«Ты сошла с ума», — сказала она себе тогда, перед отъездом. — «Ты окончательно и бесповоротно сошла с ума». Но руки уже сами собирали чемодан, а ноги несли её к двери, потому что было в том письме что-то такое, чему она не могла найти объяснение. Чутьё — то самое, которое она научилась слушать, даже когда оно противоречило здравому смыслу, говорило: «поезжай», и она поехала.

***

— Скоро, барышня, — проскрипел дядя Миша, выворачивая баранку. Его руки — крупные, с набухшими венами, лежали на руле с той спокойной уверенностью, которая бывает только у людей, всю жизнь проведших на этих дорогах. — Там, за поворотом, его хоромы. Степан Палыч, он с размахом живет…

— С размахом? — переспросила Инга, всматриваясь в снежную пелену. — Я думала, он просто одинокий старик, живущий тихо и скромно.

Дядя Миша хмыкнул так, как хмыкают люди, знающие о жизни больше, чем говорят. Почесал щетинистый подбородок — жест старый, привычный, доведённый до автоматизма, — и ответил, не оборачиваясь:

— Для нас он Палыч. Для вас, может, и родственник, а для нас — хозяин. Ты там смотри, будь поосторожнее… родня у него своеобразная. В прошлый раз, когда они съезжались, дело дошло до того, что стёкла в оранжерее выбили.

Инга помолчала, но спустя несколько минут спросила вслух:

— Что за компанию я вскоре пополню? Семью или сборище стервятников?

Дядя Миша ничего не ответил — только понимающе усмехнулся уголком рта.

Наконец «буханка», сделав последнее усилие, вырвалась из снежного плена и остановилась перед массивными дубовыми воротами. Инга расплатилась, не глядя, сунув дяде Мише несколько купюр.

Выйдя из машины, Инга невольно замерла: перед ней возвышался особняк, напоминающий небольшой замок: тёмный кирпич, кованое железо, стиль северного модерна — тяжёлый,

угловатый, с налётом средневековой мрачности. Два этажа, остроконечные крыши с башенками, высокие стрельчатые окна, больше похожие на бойницы, чем на источники света. И снежные шапки на башенках, напоминавшие белые ночные колпаки, придавали дому сходство со спящим великаном.

Лапы сосен гнулись под тяжестью снега — низко, почти до земли, и казалось, что деревья кланяются особняку и замирают в этом поклоне, не смея выпрямиться.

«Красиво», — подумала Инга. — «Но мрачновато…»

Подхватив свой дорожный чемодан, она направилась к крыльцу. Ветер тут же бросил ей в лицо пригоршню колючих снежинок — маленьких, острых, как тысячи иголок. Она на миг зажмурилась, чувствуя, как холод пробирается под воротник пальто, заползает за шиворот, добирается до позвоночника.

Дверь открылась прежде, чем она успела постучать. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти пяти — Степан Бражник, её троюродный дядя — богатый, эксцентричный и, по слухам, слегка тронувшийся после смерти жены. Он жил отшельником в этом впечатляющем доме, выстроенном по собственному проекту, в глуши Тверской губернии — недаром регион входит в двадцатку самых лесных территорий России.

Его глаза — цепкие, как у ястреба — впились в Ингу, ощупали с ног до головы, оценили, классифицировали и, видимо, одобрили. Одет он был в дорогой, но старомодный охотничий костюм, из-под воротника которого виднелся шёлковый платок — тёмно-бордовый, с едва заметной вышивкой.

— Инга, — произнёс он низким, грудным, с хрипотцой голосом, какой бывает у людей, которые много курили, а потом бросили, но лёгкие так и не восстановились. — Добралась, наконец! Отлично, ты последняя.

— Здравствуйте, Степан… — начала она, но он уже схватил её за локоть.

Схватил крепко — пальцы впились в руку выше локтя, там, где кожа особенно чувствительна. И втянул внутрь — резко, нетерпеливо, точно боялся, что её унесёт злым ветром, или она сама раздумает входить и уедет обратно.

«Поздно», — подумала Инга, переступая порог. — «Я уже здесь».

Холодный воздух остался снаружи, а внутри было вполне тепло.

Инга оказалась в большом холле, занимавшем почти половину первого этажа, тёмном, но не мрачном. Полы из тёмного дуба, отполированные до зеркального блеска, отражали пламя камина, пылающего в дальней стене. Отражение получалось искажённым, зыбким — огонь плясал на тёмной поверхности, превращаясь в причудливые тени. Инга на секунду поймала себя на мысли, что смотрит словно и не на пол вовсе, а на чёрную воду, в которой горят странные, негасимые костры.

В центре холла висела тяжёлая бронзовая люстра, но её не зажигали, предпочитая уютный полумрак свечей и камина. В помещении достаточно сильно пахло новогодней ёлкой и ещё чем-то слегка горелым. «Бенгальские огни», — поняла Инга. — «Новый год на носу».

— Проходи в свою комнату, она на втором этаже, первая справа по коридору.

Степан махнул рукой в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

— Все соберутся в столовой через пару часов к праздничному ужину, — продолжил Степан, не глядя на неё. — Ты отдохни, переоденься и спускайся вниз, к родственникам. Только не жди от них радости…

— Радости? — переспросила Инга, стягивая пальто. — Я и не жду. Но зачем я здесь? Вы не ответили…

Степан обернулся, и на секунду его лицо исказила гримаса — не гнева, не раздражения — боли. Такой боли, которую человек носит в себе годами, а потом внезапно всё выплёскивается наружу, обжигая окружающих.

— Узнаешь за ужином, — сказал он тихо. — Отдохни от поездки, детка, время есть.

— Филипп тебя проводит, — указал рукой Степан на стоявшего чуть поодаль пожилого дворецкого.

Он развернулся и быстро, с лёгким прихрамыванием, ушёл в коридор, ведущий в правую часть дома. Инга заметила эту хромоту только сейчас. «Старая травма? Или что-то недавнее?»

Хотя холл и казался пустым, но она чувствовала — кожей, затылком, тем самым шестым чувством, которое не обманывало никогда, — как дом дышит. Где-то тикали часы и поскрипывали половицы — негромко, осторожно. Тени от камина плясали на стенах, и на мгновение Инге почудилось, что лосиные рога на стене шевелятся — медленно, тягуче, как ветви подводных растений, — превращаясь в руки, тянущиеся к ней.

«Стоп», — приказала она себе. — «Ты не нервничаешь и не боишься: ты — профессионал».

Тем временем дворецкий молча подхватил чемодан Инги, и они поднялись на второй этаж по изящной лестнице с коваными перилами, украшенными замысловатым узором из виноградных лоз и гроздьев. Наверху темнел длинный коридор без окон, с несколькими дверями по обе стороны — все закрытые, все одинаковые, все молчаливые. Дверь в комнату гостьи оказалась заперта, но в замке торчал изящный ключ.

Филипп повернул ключ, и дверь мягко отворилась. Дворецкий занёс чемодан в комнату и также молча удалился.

«Немногословный слуга у Степана», - подумала Инга и оглядела комнату, оказавшуюся светлой, уютной и разительно отличающейся от довольно мрачной обстановки первого этажа дома.

Стены здесь были выкрашены в нежный кремовый цвет, а не затянуты тёмными обоями, как в коридорах. Вместо тяжёлых портьер на окнах висели лёгкие льняные занавески. В углу тепло мерцал небольшой камин — электрический, но с почти живой, убаюкивающей имитацией пламени. От обычной электрической лампочки в светильнике на стене исходил тёплый золотистый свет. Всё здесь дышало покоем: пушистый ковёр на полу, удобное кресло у окна, широкая кровать, застеленная свежим бельём, прикроватный столик с настольной лампой под абажуром. Рядом с гардеробной, скрытой за резной ширмой старинной работы — из тёмного дерева, с инкрустацией перламутром — она заметила дверь, ведущую в небольшую, но очень чистую туалетную комнату. Оттуда выглядывали край современной душевой кабины из матового стекла, белоснежная раковина-тюльпан и небольшая ванна на изогнутых ножках. «Наконец-то можно будет смыть с себя дорожную пыль и напряжение», — с облегчением подумала Инга, закрывая за собой дверь.

Она приняла душ, переоделась в сухое и тёплое платье цвета лесной хвои, расчесала волосы и позволила себе просто посидеть в кресле у камина, глядя на пляшущие языки искусственного пламени. Дом за стеной жил своей жизнью — где-то хлопали двери, слышались приглушённые голоса, но здесь, в этой маленькой светлой бухте, было тихо и спокойно. Инга даже задремала на полчаса, чего с ней давно не случалось в чужих домах. Сквозь дрёму она слышала продолжающееся завывание пурги. А снег всё кружился в своём холодном танце и падал, укутывая спящую землю в белую ватную тишину.

Спустя два часа, отдохнувшая и посвежевшая, Инга спустилась вниз, легко ступая по лестнице и чувствуя, как усталость отпускает мышцы, а голова проясняется. Инга уже хотела направиться в столовую, как вдруг из-за угла, от маленькой гостиной, появилась высокая женщина в ярко-красном платье.

— Инга! Слава богу!

Голос — звонкий, немного истеричный — ударил по ушам, когда она уже собиралась идти в столовую. К ней метнулась высокая женщина лет тридцати, с короткой стрижкой и острыми скулами — Стелла Бражник, родная сестра хозяина дома, значительно моложе брата и почти не похожая на него — настолько, что в их родстве можно и усомниться, если бы не оди-

наковый разрез глаз и одинаковая манера смотреть исподлобья. На Стелле было ярко-красное платье, полностью диссонирующее с общей атмосферой дома. Оно словно кричало: «Я здесь! Я жива! Я не боюсь!» — но кричало слишком громко, слишком настойчиво, так что Инга сразу поняла: боится, причём очень сильно…

— Представляешь? — затараторила Стелла, хватая Ингу за руку и ведя в сторону столовой. — Собрал всех, как грибы в корзину. Семейный совет! Ты же детектив? Ты хоть что-то понимаешь?

— Пока нет, — честно ответила Инга.

— Этот старый дурак, кажется, окончательно съехал с катушек, — Стелла говорила быстро, глотая окончания, чтобы успеть высказаться. — Он последний год ни с кем не общался, сидел тут, что-то строил, перестраивал. Говорят, даже тайную комнату оборудовал, за библиотекой…

Инга насторожилась.

— Тайную комнату?

— О да! — Стелла закатила глаза как-то уж совсем театрально, но в ней чувствовалась неподдельная тревога. — У него здесь сейф в стене, подвал, в котором можно заблудиться, и куча чуланов. Параноик какой-то… — Она помолчала секунду, потом добавила уже тише: — Но деньги, Инга, деньги у него огромные. И поэтому…

— Поэтому что?

— Поэтому здесь собрались не самые приятные люди, — прошептала Стелла, без особого усилия толкая массивную дверь, открывшуюся совершенно беззвучно — петли были хорошо смазаны.

Столовая выглядела роскошной и холодной, с огромным столом в центре, изготовленным из карельской берёзы: светлого дерева, с тёмными прожилками, похожими на извилистые реки на карте. Рассчитанный на двенадцать персон, он ломился от закусок: икра, семга, буженина, соленья, грибы, пирожки с разной начинкой, но атмосфера за ним царила унылая. Никто особенно не радовался, когда один из мужчин выстрелил в сторону большой, богато украшенной ели из хлопушки с конфети, а женщина справа от него держала в руке искрящийся бенгальский огонь.

Инга сразу окинула взглядом присутствующих, автоматически фиксируя каждую деталь — как учили, как привыкла, как умела. Лица, позы, жесты, то, как люди держат вилки и куда смотрят, когда молчат. Всё это улики—не те, что принимают в суде, а те, что подсказывают следователю, где копать.

Во главе стола массивный резной стул с высокой спинкой — трон, не иначе, — где должен восседать хозяин, пока пустовал. Степан, видимо, решил войти последним. Для эффекта? Или потому, что не хотел ждать, как все?

Слева сидели двое мужчин, как две капли воды похожих друг на друга: близнецы Семён и Пётр Кривцовы — племянники Степана, тридцати лет от роду. Оба в дорогих одинаковых свитерах — тёмно-синих, с тонкой вязкой, и с одинаково тяжёлыми челюстями — такими, казалось, можно перекусить стальную проволоку. И оба с настороженным взглядом — не настороженностью жертвы, а настороженностью хищника, который не уверен, кто здесь главный.

Тот, что оказался ближе к Инге — Семён — нервно крутил в руке серебряную солонку. Крутил и ставил, крутил и ставил — бесконечный, монотонный ритуал, который выдавал в нём человека, привыкшего к контролю и потерявшего его. Пётр же, наоборот, сидел с каменным лицом, разглядывая вилку в своей руке.

«Близнецы, а разные», — отметила Инга. — «Один — огонь, другой — лёд… но оба опасны».

Рядом с ними — их двоюродный брат Виктор Садовский, мужчина лет сорока, обнявший за плечи свою хрупкую жену. Объятие было собственническим, почти душащим — Инга

заметила, как Маша, жена Виктора, то и дело пыталась чуть отодвинуться, но муж каждый раз притягивал её обратно. Виктор улыбался как-то широко, маслянисто, с налётом фальши, а лоб его неприятно блестел, выдавая внутреннее волнение. «Скользский тип», — подумала Инга.

Маша Садовская напоминала испуганную мышку в сером платье — слишком скромным для новогоднего вечера. Воротник она поправляла каждые полминуты — то поднимала, то опускала и косилась на мужа — часто, испуганно, словно ожидая подвоха.

Но больше всего Ингу заинтересовал тот, кто сидел в самом тёмном углу стола, практически спиной к окну, за которым бушевала метель — Аркаша Зябов —двоюродный племянник, около двадцати пяти лет, но выглядевший на все сорок. Бледное, одутловатое лицо — такое лицо бывает у людей, которые давно не видели солнца и, возможно, уже не увидят никогда. Глубоко посаженные глаза с красными белками — воспалёнными, больными. И руки — трясущиеся, с обкусанными ногтями — он постоянно прятал их под стол.

Инга заметила, что он то и дело касается внутреннего кармана куртки. Один раз, другой, третий. Проверял — на месте ли что-то жизненно важное. «Наркотики?» — подумала она. — «Или оружие?» От него пахло не алкоголем, а чем-то химическим, горьким — резким, неприятным, въедающимся в ноздри.

«Метадон?» — предположила Инга. — «Или что-то тяжелее…»

Мрачный, опасный и непредсказуемый тип — такие оказываются или главными злодеями, или первыми жертвами.

— А, сыщица пожаловала! — громко произнёс Виктор, растягивая губы в улыбке.

Инга почувствовала почти отвращение, но не от слов — от интонации. В ней было что-то слащаво-приторное и наигранное, как у человека, который слишком старается казаться дружелюбным и тем самым выдаёт свою враждебность.

— Ну, теперь точно все тайное станет явным, — продолжил Виктор, не дожидаясь ответа. — Степан, видимо, решил провести инвентаризацию душ перед праздником.

— Заткнись, Виктор! — бросил Семён, не переставая крутить солонку. — Не нагнетай…

— А что нагнетать? — вмешался Пётр, глядя на брата с холодной усмешкой. — Всё и так понятно. Старик собирается делить имущество, поэтому и созвал всю шушеру.

— Какую шушеру?! — взвизгнула Стелла, садясь на своё место. — Я его родная сестра!

— Родная сестра, которая живёт в Париже на его деньги, — парировал Семён, и в его голосе прозвучала такая откровенная злоба, что Инга мысленно отметила: «этот ненавидит Стеллу… за что?»

— Господа, прошу всех быть сдержаннее! — тихо, но твёрдо сказала Инга, занимая свободное кресло между Машей и пустующим местом Степана.

Она не повысила голос и не приказала, а просто сказала. И в этой спокойной уверенности её голоса было что-то такое, что заставило всех замолчать, даже Семён перестал крутить солонку.

Маша благодарно кивнула Инге, быстро и почти незаметно — спасибо, которое боится, что его увидят.

Аркаша поднял на Ингу мутные глаза, и на секунду — всего на секунду — в них мелькнуло что-то осмысленное и живое, что не вязалось с его больным, опустошённым лицом. И странно — умоляющее, как у человека, который хочет что-то сказать, но не может… или боится. Впрочем, он тут же отвёл взгляд.

«О чём ты молчишь, Аркаша?» — подумала Инга. — «Что ты знаешь такого, чего не знаем мы?»

В этот момент дверь с грохотом распахнулась — Степан не стал её открывать плавно, как делают воспитанные люди, а толкнул с такой силой, что ручка ударилась в стену. И затем на пороге появился он — мрачнее тучи, держа в руке папку, тяжёлую, окованную медью, с

потемневшими от времени углами. Очередная антикварная безделушка, которую он хранил в своём кабинете — и которая, наконец, пригодилась.

«Для чего?» — спросила себя Инга. — «Чтобы хранить бумаги? Или чтобы бить по головам?»

— Все здесь? — спросил Степан, обводя всех взглядом.

Вопрос был риторическим. Он и так видел — все, кого он позвал и кого хотел видеть в этот вечер, сидят за столом. А также те, кого он хотел бы не видеть никогда…

— Отлично.

Он прошёл к своему месту, но не сел. Положил папку на стол — тяжело, с глухим стуком, от которого звякнули бокалы, и заговорил.

Голос его звучал жестко, без тепла и сомнения, без той боли, которую Инга увидела мельком, в холле — остались только лед и сталь.

— Не буду ходить вокруг да около, — начал он. — Я собрал вас не просто на Новый год. Я собрал вас, чтобы объявить о моём завещании.

По столу прокатился вздох: кто-то выдохнул с облегчением — значит, боялся худшего; кто-то — с разочарованием — значит, надеялся на что-то другое; а кто-то и вовсе затаил дыхание.

«Тот, кому есть что скрывать», — подумала она. — «Тот, кто боится не завещания, а того, что будет после него».

— Я серьёзно болен, — продолжил Степан, и в комнате повисла мёртвая тишина, в которой слышно, как тикают часы на стене и потрескивают свечи.

— Врачи дают неутешительный прогноз, мне осталось немного. Поэтому я хочу, чтобы после моей смерти не возникало споров и дрязг. Я хочу, чтобы вы знали — кому и что отходит.

— Степан, может, не за столом? — неуверенно произнесла Маша.

Голос её слегка дрожал — Инга не поняла, почему.

— Может, после ужина? Праздник всё-таки…

— Праздник? — Степан криво усмехнулся, и в этой странной усмешке не было иронии, не было горечи, не было ничего, кроме пустоты. Похоже, человек давно забыл, что такое праздник…

— Для кого праздник? Для того, кто уже в мыслях вскрывает мой сейф?

Он бросил взгляд на Виктора — короткий, колючий, как удар кинжала. Виктор побледнел — неуловимо, на долю секунды — но Инга заметила.

«Попал в точку», — подумала она. — «Виктор — главный претендент или в чём-то подозреваемый?»

— Нет, Маша, сейчас, — продолжил Степан. — Иначе я могу не успеть…

Инга заметила, как побелели костяшки пальцев Стеллы, а Семён и Пётр переглянулись — быстрым, многозначительным взглядом, который мог означать и сговор, и взаимное предупреждение. А странный Аркаша начал мелко-мелко трясти головой — беззвучно, почти незаметно.

— Впрочем, Маша права. Прежде чем я открою этот конверт… — Степан положил руку на папку, — давайте поужинаем по-человечески, как семья. Возможно, в последний раз.

Он щёлкнул пальцами. Из кухонной двери выплыл дворецкий — благообразный и гладко выбритый пожилой мужчина, лет шестидесяти пяти, не меньше, но двигающийся по дому уверенно и почти бесшумно — очевидно, проработавший в доме не один год.

Дворецкий начал разливать вино отточенными, почти автоматическими движениями. Он наклонял бутылку, поворачивал её, поднимал — всё по правилам, всё как в учебниках по этикету. Красное вино — тёмное, густое, почти чёрное в полумраке свечей — наполняло бокалы, и в этом было что-то тревожное.

«Цвет крови», — подумала Инга.

Стелла нервно схватила свой бокал, как спасательный круг.

— Ну, за встречу! — выкрикнула она, пытаясь разрядить обстановку.

Голос её сорвался на высокой ноте. Все подняли бокалы: кто-то — с надеждой, кто-то — равнодушно, автоматически.

Инга поднесла вино к губам и вдруг остановилась, не сделав ни глотка. В горле пересохло — от напряжения и странного предчувствия. Внутреннее чутьё, не раз спасавшее её в сложных делах, вытаскивавшее из засад, подсказывавшее, кому верить, а кого бояться, — приказало: «Не пей. Смотри в оба».

Она опустила бокал, поставила на стол и начала смотреть. Её взгляд скользнул по лицам — цепкий, профессиональный, ничего не упускающий.

Виктор пил жадно, большими глотками, явно утоляя не жажду, а страх. Маша — пригубила, чуть-чуть, только чтобы смочить губы. Близнецы осушили бокалы до дна — синхронно, как на тренировке. Аркаша лишь макнул губы — и отставил бокал в сторону, подальше от себя.

«Кто-то из вас», — подумала Инга. — «Кто-то из вас уже знает, чем кончится этот вечер».

Стелла — желая, видимо, показать своё пренебрежение к новостям брата — залпом выпила половину бокала. Выпила в полной тишине, с вызовом глядя на Степана и на всех остальных родственников. Тишина длилась ровно три секунды…

Сначала лицо Стеллы исказила гримаса удивления — чистое, детское, беспомощное: «Как? Почему? Я же не…» Она открыла рот — широко, как рыба, выброшенная на берег, — как бы пытаясь сказать что-то важное, что-то, что могло бы всё объяснить, всё остановить… но вместо слов из горла вырвался только сиплый хрип. Бокал выпал из рук Стеллы и покатился по скатерти — медленно, нелепо, оставляя за собой кроваво-красный след: красный на белом — как рана на снегу. Докатился до края стола — и упал, разлетевшись вдребезги. Осколки брызнули в стороны, зазвенев на полу.

Сидевшие за столом машинально перевели взгляды: сначала — на бокал, потом — на Стеллу, схватившуюся за горло. Пальцы её — с идеальным маникюром, с массивными кольцами на каждом пальце — вцепились в собственную шею, а глаза наполнились неподдельным ужасом человека, понимающего, что он умирает… и уже никто ему не поможет.

— Стелла? — Степан подался вперёд.

Голос его — впервые за вечер — дрогнул. Не от любви к сестре — любви между ними не было уже давно, если вообще была когда-нибудь, а от шока и неожиданности. От того, что даже он, готовившийся к чему-то ужасному, не ожидал этого именно здесь и сейчас.

Тело Стеллы выгнулось дугой, судорога прошла по всему телу — от пяток до макушки, — и она замертво рухнула лицом прямо в тарелку с салатом оливье, разлетевшимся в стороны. Белые кусочки картошки, зелёный горошек, жёлтые кружки яиц — всё это прилипло к её щеке, к волосам, к ярко-красному платью. И эта деталь — майонез на лице мёртвой женщины, смешавшийся с капельками вина, — показалась Инге самой страшной за весь этот, как бы праздничный, вечер… страшнее, чем крик или кровь. Потому что в этой детали было что-то унизительное, что-то бытовое, что-то, что превращало смерть из трагедии в фарс.

«Она умерла», — подумала Инга. — «Она умерла с салатом на лице…»

На секунду в столовой воцарилась тишина, а потом Маша закричала: пронзительно — как сигнал тревоги, как сирена скорой помощи, как вопль новорождённого, который ещё не знает, что мир — это боль. Крик резанул по ушам, заставил всех вздрогнуть.

Виктор вскочил, опрокинув стул, упавший с грохотом, но никто не обратил на это внимания, потому что все смотрели на Стеллу — смотрели и не верили.

Семён и Пётр отпрянули от стола — синхронно, как в танце, — и отступили на шаг, глядя на упавшую женщину.

Аркаша забился в угол своего кресла, обхватил голову руками и начал раскачиваться — вперёд-назад, вперёд-назад, как маятник, как безумец, как человек, который видит то, чего не видят другие. Губы его шевелились — он что-то бормотал, но слов было не разобрать.

Инга действовала быстрее всех. Она вскочила, подбежала к Стелле и прижала пальцы к шее — к тому месту, где должна пульсировать сонная артерия, но ничего не прощупывалось.

«Мертва», — мысленно констатировала она. — «Мертва окончательно и бесповоротно».

— Яд, — сказала она. — Быстродействующий яд. Кто-нибудь, вызывайте полицию и скорую!

— Связи нет! — выкрикнул Пётр, глядя на экран смартфона. — Ноль!

— Связи здесь часто не бывает, — спокойно, с пугающим безразличием произнёс Степан, не двигаясь с места. Он стоял у своего кресла, опершись о папку с завещанием, и смотрел на мёртвую сестру. В его взгляде было не сожаление, не горе, и даже уже не шок, а нечто другое — злое удовлетворение…

«Он знал», — поняла Инга. — «Он знал, что это случится. Возможно, он знал даже, кто это сделает».

— И дорогу замело, — продолжил Степан, всё тем же ровным, пугающим голосом. — Прошло предупреждение: буран будет не меньше трёх дней.

— Что за чертовщина здесь творится?! — заорал Виктор.

Он брызгал слюной. Лицо его покраснело, жилы на лбу вздулись. Он выглядел не столько испуганным, сколько разъярённым.

— Кто её отравил? Кто-то из нас?

— Заткнитесь все! — Голос Инги прозвучал как выстрел.

Все замолчали.

Виктор захлопнул рот, а Маша перестала всхлипывать. Даже Аркаша на секунду перестал раскачиваться.

Инга выпрямилась, вытерла руки о салфетку — там, где касалась лица Стеллы, остался липкий след от майонеза — и обвела присутствующих профессиональным взглядом человека, который привык, что ему подчиняются. Не потому, что он громче всех кричит — а потому, что он знает, что делать.

— Итак, полиция не приедет, — сказала она. — Дороги нет, связи тоже нет. С этого момента я беру расследование на себя.

Она посмотрела на Степана — он всё так же стоял, опершись о папку с завещанием. И на его губах — только сейчас Инга разглядела — блуждала странная, почти безумная улыбка: не радость, не насмешка — что-то другое…

«Он ждал этого», — поняла Инга. — «Он знал… и возможно, это он».

— Вы хотели тишины, Степан? — спросила она холодно. — Вы её получили, однако теперь мы все под подозрением, включая вас.

Степан пожал плечами. Жест вышел ленивым, почти скучающим, как у человека, который смотрит фильм, который уже видел сто раз, и знает, чем всё кончится.

— Я только что потерял сестру, Инга. — В голосе его не было ощущения потери. — Но ты права… расследуй, это твоя работа.

Он поднял папку, прижав её к груди.

— Но, боюсь, это только начало…

За окном выла метель, бросая в стёкла пригоршни снега — злые, бешеные, словно сама природа решила запереть убийцу и жертв в этой роскошной и мрачной ловушке.

Инга перевела взгляд на заснеженное окно, за которым не видно ничего — только белая мгла, бесконечная и равнодушная к смерти, сделавшей свой первый шаг в этом отрезанном от мира доме. Впервые, за всё время здесь, её охватило чувство — странное, непривычное, почти забытое.

«Я — не только охотник», — поняла она. — «Я — возможная жертва».

Убийца хитёр, и ему, ясное дело, не надо втираться в доверие, потому как он уже здесь, среди них. И он уже знает, кто будет следующим. Сев на своё место, Инга положила руки на стол и посмотрела на присутствующих.

Один труп, неизвестный убийца и никакой надежды на помощь извне.

«Делай, что должна», — сказала она себе. — «И будь что будет…»

Свечи догорали, метель выла, а в доме, где только что умерла женщина, кто-то тихо, едва слышно, засмеялся…

Глава 2. Дом, который дышит смертью

Тело Стеллы Бражник перенесли в малую гостиную. Инга распорядилась накрыть тело простыней и настояла на том, чтобы комнату заперли. Ключ — массивный, бронзовый, с затейливой головкой в виде львиной головы — она положила в карман.

— Никто не входит без меня, — сказала она Филиппу, стоящему у двери, сложив руки на груди. — Даже хозяин.

Дворецкий молча кивнул. Его лицо было непроницаемо — как маска, но руки слегка подрагивали, выдавая волнение.

Она, конечно, не судмедэксперт, не патологоанатом и не химик-криминалист. Но опыт — а у Инги за плечами годы работы — подсказывал: яд, вероятно, цианистый. Характерный запах горького миндаля — она уловила его, когда наклонилась над телом Стеллы — так низко, что почти коснулась носом её волос, в которых ещё держался аромат дорогого шампуня. Миндаль… сладковато-едкий, как дыхание смерти. И молниеносное действие говорило само за себя.

«Цианид, — подумала Инга. — Классическая отрава для тех, кто спешит. Или для тех, кто хочет, чтобы жертва не успела закричать».

В воздухе ещё витал этот запах — смесь миндаля, смерти и чего-то сладковато-приторного, похожего на духи Стеллы. Инге захотелось немедленно распахнуть окна и впустить снег и ветер. Но она пересилила себя.

«Улики, — напомнила она себе. — Воздух — тоже улика, запах — тоже свидетель».

После того как Филипп молча убрал разбитый бокал и злополучную тарелку с остатками оливье, Инга собрала всех в кабинете Степана. Кабинет располагался на первом этаже, в северном крыле и представлял собой идеальное убежище для человека, которому есть что скрывать.

Толстые стены — такие, что снаружи не слышно ни звука, а изнутри — тем более. Звукоизоляция — профессиональная, не чета той, что ставят в дешёвых студиях звукозаписи. Тяжёлые портьеры на окнах — из чёрного бархата, с золотой бахромой, — они не пропускали ни света, ни любопытных взглядов. И сейф, встроенный в стену за портретом матери Степана.

Портрет написан маслом — крупные мазки, тяжёлая рама, женщина с жёсткими глазами и сжатыми губами. «Она не улыбалась», — подумала Инга, глядя на портрет. — «Возможно, она вообще никогда не улыбалась… даже на картине».

Родственники расселись на кожаных диванах и в креслах, ожидая дальнейшего, в наэлектризованной атмосфере дома.

Воздух между ними буквально искрил: каждый взгляд заряжен напряжением, каждое движение — подозрением. Они смотрели друг на друга без нормального родственного тепла: только страх и желание выжить.

Маша Садовская всё ещё всхлипывала. Она уткнулась в платок — кружевной, дамский, возможно, подаренный кем-то на прошлое Рождество, — и плечи её вздрагивали. Всхлипы были тихими, почти беззвучными — такими плачут люди, которые привыкли, что их слёзы никого не трогают. Или боятся, что если заплачут громко, то привлекут внимание. А внимание сейчас — смертельно опасно.

Её муж, Виктор, сидел с каменным лицом. Но Инга видела — его нога нервно отбивала дробь по паркету.

«Он боится», — поняла Инга. — «Опасается, что его тайны выйдут наружу».

Близнецы Кривцовы заняли позицию у стены, скрестив руки на груди, с зеркальными позами — как отражения, как копии, как две половинки одного целого, которое почему-то решило разделиться. Семён смотрел на Ингу исподлобья, Пётр — куда-то в сторону, на портрет матери Степана.

«Они как сообщающиеся сосуды», — подумала Инга. — «Часто близнецы чувствуют друг друга даже на расстоянии. Хотела бы я знать, что они замышляют?»

Аркаша Зябов — мрачный тип, как мысленно окрестила его Инга ещё за ужином — забился в угол глубокого, мягкого кресла с высокими подлокотниками — в нём можно было спрятаться, исчезнуть, стать невидимым. Аркаша теребил край своего засаленного свитера. Свитер этот, казалось, видел лучшие времена ещё в прошлом веке — вытянутый, с катышками. Он выдирал из него нитки и накручивал на палец.

«Компульсивное движение», — отметила Инга. — «Тревога, страх, или ломка? Впрочем, возможно, всё вместе».

Сам Степан, хозяин дома, восседал за своим массивным письменным столом из чёрного дуба, с бронзовыми накладками на углах — тяжёлым, монументальным, как надгробие. Он положил руки на папку с завещанием — поверх, крест-накрест, словно защищая от всего мира.

Инга стояла в центре комнаты, держа в руках блокнот, исписанный мелким, убористым почерком, разборчивым только для неё самой. В нём имена, даты, вопросы, ответы и пустые страницы — для тех ответов, которые ещё не прозвучали.

«Знает чёрт свой омут…» — вспомнилась ей народная поговорка. Этот «чёрт» затаился и выжидал. Затаился где-то в этом доме — в его коридорах, в его комнатах, в его тёмных углах. Выжидал, когда можно будет нанести следующий удар. А она, Инга, должна его найти в «омуте» — в доме, который дышит смертью.

— Итак, — начала Инга, — я задам несколько вопросов и жду на них честных ответов.

Она дала паузе повиснуть в воздухе — достаточно долгой, чтобы каждый успел представить себя на месте допрашиваемого.

— Стелла убита — отравлена ядом в вине, которое всем разливал Филипп, причём из одной бутылки. Однако отравилась только Стелла…

— Значит, яд был в её бокале, — быстро сказал Семён резким голосом. Он не спрашивал, он утверждал. И в этом утверждении слышалась попытка ускорить процесс. — Кто-то подсыпал его, пока мы не видели.

— Именно, — кивнула Инга. — Филипп, подойдите.

Дворецкий выступил из тени. Он стоял у двери — всё это время, незаметный, молчаливый, как призрак. Инга даже не слышала, как он вошёл. Филипп казался стариком лет шестидесяти пяти, не меньше, но двигался при этом он удивительно бесшумно и плавно. Лицо его изрезали морщины, а глаза — светлые, выцветшие, как небо в конце зимы — смотрели спокойно, но в их глубине Инга уловила что-то.

«Страх?» — спросила она себя. — «Нет, скорее, осторожность».

Он держался спокойно, даже слишком спокойно, но руки его опять слегка подрагивали. Ещё бы не волноваться: во многих детективах дворецкий — главный подозреваемый…

«Как правило, дворецкий — убийца», — подумала Инга. — «Но в реальной жизни всё гораздо сложнее… или проще: в реальной жизни дворецкий — просто дворецкий. Или нет?»

— Филипп, — спросила она, — когда вы разливали вино, вы что-нибудь необычное заметили? Бокал Стеллы чем-то отличался?

— Нет, сударыня.

Голос у Филиппа был низким, с приятной хрипотцой — голос человека, много курившего в молодости, а потом бросившего, но хрипота осталась навсегда. Голос, в котором слышались усталость, мудрость и скрытая боль.

— Я разливал из одной бутылки. Бокалы все одинаковые, хрустальные, из сервиза, привезённого хозяином из Праги. Я наполнил их и поставил. Никто к ним не прикасался, кроме…

Он запнулся. Запнулся так, будто споткнулся на ровном месте.

— Кроме кого? —прищурилась Инга.

Вопрос повис в воздухе. Филипп посмотрел на Степана — быстрый, почти незаметный взгляд, просящий разрешения? Или предупреждающий о чем-то?

— Кроме госпожи Стеллы. Она сама подвинула свой бокал, когда я наливал. Сказала, чтобы я налил побольше.

— Побольше?

— Да, сударыня. Она выглядела как-то странно напряжённой… нервозной, что ли. — Филипп помолчал, подбирая слова. — Взяла бокал и резко подалась вперёд. Словно услышала что-то важное... словно кто-то позвал её.

— Кто?

— Не знаю, сударыня. Я никого не видел. Но она… она посмотрела в сторону буфета. Там, возле хрусталя, никого не было. Но она смотрела так, будто видела кого-то.

Инга записала в блокнот: «Стелла смотрела в пустоту, как бы слыша то, чего нет… или — то, что есть, но недоступно другим».

— Спасибо, Филипп. Пока вы свободны.

Дворецкий поклонился старомодным поклоном — с достоинством, без подобострастия, как кланяются люди, которые помнят, что служить — не значит быть рабом. Он вышел и плотно притворил за собой дверь. Дверь закрылась беззвучно — петли хорошо смазаны.

«В этом доме всё тщательно смазано, всё подготовлено — как в театре… но кто режиссёр?» — подумала Инга. — «И кто — следующая жертва?»

— Кто сидел рядом со Стеллой? — спросила она, обводя взглядом комнату.

— Я, — как школьник на уроке, поднял руку Пётр Кривцов.

Но поднял её не спеша, с ленцой — как человек, не желающий привлекать к себе внимание, но вынужденный это сделать. Голос его был глухим, без интонации. Он смотрел куда-то мимо Инги, в стену, в портрет матери Степана.

— Я сидел справа от неё.

— А слева?

— Пустое место, — ответил Семён за брата.

Они делали это часто — заканчивали мысли друг друга, подхватывали фразы, словно одно сознание. Инга заметила это ещё за ужином. «Синхрония близнецов…или — хорошо отрепетированная роль?»

— Слева от неё никто не сидел. Следующим был Степан, но он ещё не садился, когда она уже… выпила.

— Значит, теоретически, отравить её мог только тот, кто сидел рядом, или тот, кто подошёл к столу, пока Филипп разливал вино, — резюмировала Инга. — Пётр, ты что-нибудь видел?

Пётр поморщился. Это была не гримаса боли — скорее, отвращения. Словно его в чём-то обвиняли. Словно он уже привык, что на него смотрят с подозрением, и это ему глубоко противно.

— Я смотрел на Степана. — Голос его звучал глухо, с обидой. — Все смотрели на Степана, когда он говорил о своей болезни. Я не видел, чтобы кто-то сыпал что-то в бокал.

«Он не убийца», — подумала Инга. — «Но он знает что-то…»

— Может, это несчастный случай? — неуверенно подала голос Маша.

Она подняла заплаканное лицо — красные глаза, распухший нос, дрожащие губы. В её голосе слышалась надежда—последняя, которая теплится в человеке, когда он отказывается верить в очевидное.

— Может, она сама что-то приняла? Таблетки какие-нибудь…

— Маша, — резко оборвал её Виктор.

Маша вздрогнула, сжалась, будто ожидала не слов, а удара. Виктор даже не повернулся к ней — сидел с каменным лицом, глядя прямо перед собой.

— Не говори ерунды. Это убийство. — Пауза. — И убийца здесь, в этой комнате.

Он сказал это с такой уверенностью, что Инга подумала: «он знает. Или — он сам».

— Или же… — Степан подал голос впервые.

Все взгляды обратились к нему.

Почти в самом центре комнаты возвышался массивный стол из чёрного дуба, с окантовкой из бронзы, под старину. Степан, сидящий за ним, медленно, очень медленно, открыл медные застёжки папки. Застёжки щёлкнули — сухо, громко, как выстрелы. Он достал лист плотной бумаги: дорогой, с водяными знаками — такие заказывают в частных типографиях для особо важных документов.

— Или же это послание, — продолжил С тепан.

— Что вы имеете в виду? — спросила Инга.

Она подошла ближе — так, чтобы видеть лицо Степана. Его глаза — усталые, глубоко посаженные, с красными прожилками — смотрели куда-то сквозь неё — в прошлое… или в будущее? В то, чего никто не видел.

— Я имею в виду, — он провёл пальцем по бумаге, будто гладил её, будто прощался, — что сегодня я собирался объявить, кому что достаётся после моей смерти. И тот, кто убил Стеллу, вероятно, хотел помешать мне это сделать либо запугать остальных.

— Или избавиться от конкурента, — тихо, но отчётливо произнёс Аркаша.

Все обернулись к нему. Мрачный тип впервые заговорил так громко — хриплым, сорванным голосом человека, который много молчал, с трудом вспоминая, как звучат его собственные слова. Его глаза — мутные, с красными белками — горели нездоровым огнём человека, видящего то, чего не видят другие. Или — которому уже всё равно.

— Что ты сказал? — спросил Степан, приподнявшись и чуть наклонившись вперёд.

В его голосе сквозила угроза. Не скрытая — явная, почти физическая.

— То, что все думают, но молчат, — Аркаша усмехнулся странной усмешкой, обнажив жёлтые зубы — редкие, неровные, с тёмными промежутками, — и в этой усмешке сквозило что-то безнадёжно предсмертное.

— Стелла — твоя родная сестра, и если по завещанию ей достаётся больше всех, то теперь это наследство перераспределится. Кому-то это выгодно… да что там, всем нам выгодно.

Он произнёс эту фразу и буквально вжался в кресло. Спрятался, стал маленьким, незаметным, как мышь, которая сказала что-то дерзкое кошке и со страхом ждёт, когда её съедят.

«Он боится», — поняла Инга. — «Боится не столько убийцы, сколько себя. Боится того, что сказал».

— Заткнись, наркоман! — взревел Виктор, вскакивая с места.

Лицо его побагровело, жилы на лбу вздулись, глаза налились кровью, как у быка перед атакой.

— Ты первый кандидат! Ты вечно шатаешься по дому, что-то ищешь, вечно в долгах, как в шелках!

— Господа! — Инга повысила голос.

Не закричала, не заорала, просто — повысила, на полтона. Ровно настолько, чтобы голос её пробился сквозь шум, сквозь ярость, сквозь панику.

— Прекратите немедленно.

Она подождала, пока Виктор сядет обратно, пока Степан займет своё место, пока Аркаша перестанет трястись. Ждала, пока вернётся тишина.

— Степан, — сказала она, — раз уж зашла речь о наследстве, вы должны показать нам завещание или хотя бы озвучить, кому и что предназначалось.

Степан посмотрел на неё долгим взглядом. Потом перевёл взгляд на перекошенные лица родственников. Потом — на портрет матери. Потом — на свои руки, лежащие на папке.

— Нет, — сказал он твёрдо.

Одно слово, короткое, как удар.

— Не сейчас. Я покажу его, когда полиция прибудет на место. Или… когда я сочту нужным. Если я объявлю его сейчас, убийца может понять, что его план не сработал, и нанесёт следующий удар.

— То есть вы хотите использовать завещание как приманку? — Инга нахмурилась.

Она не верила в такие игры. Никогда не верила: живые люди не приманка, даже если они — родственники, которых ты не любишь.

— Это опасно.

— В моём доме мои правила, Инга, — голос Степана стал жёстким, стальным и холодным, таким же, как взгляд его матери с портрета на стене. — Я пока не знаю, кто убийца, но уверен в одном: пока я не объявил завещание, у каждого из вас есть мотив. И я не хочу давать убийце лишнюю информацию.

— Или ты просто покрываешь кого-то, — вставил Пётр.

Степан не ответил. Он встал — медленно, тяжело, опираясь на трость, которую раньше у него Инга не замечала. Положил завещание обратно в папку и подошёл к сейфу. Портрет матери плавно отъехал в сторону, и открылась стальная дверца — толстая, массивная, с блестящим диском замка. Степан набрал код. Папка легла на полку сейфа, и портрет вернулся на место. Женщина с жёсткими глазами снова смотрела на них сверху вниз.

— С этого момента, — сказал Степан, поворачиваясь к столу, — я запрещаю кому-либо приближаться к этому кабинету без меня. Здесь установлены камеры.

Он кивнул на небольшой объектив под потолком — чёрный, круглый, похожий на глаз, ни на секунду не закрывающийся.

— Да, система записывает всё. Так что, если кто-то решит полакомиться моим наследством до того, как я умру естественным путём, он будет разоблачён.

— Вы ведёте себя так, будто сами готовитесь к убийству, — тихо сказала Инга.

Она подошла к нему ближе, чтобы остальные не слышали. Степан посмотрел на неё не с горечью, не с сожалением, а с грустью человека, видевшего много смертей и знающего, что его собственная кончина не за горами.

— Я готовлюсь к тому, что уже началось, Инга. — Его голос стал тихим, почти ласковым. — Ты умная женщина. Осмотри дом, узнай его. В нём есть много интересного… Возможно, это поможет тебе понять, кто из нас способен на убийство.

Инга кивнула, затем объявила, что все должны разойтись по своим комнатам, стараться не ходить по одиночке и не приближаться к кухне без её ведома. Винный погреб и все напитки приказала опечатать подручными средствами. В доме нашлась упаковочная лента — широкая, коричневая, липкая. Её нарезали полосками и приклеили на дверцы шкафов, на бутылки, на ящики столов. На каждой полоске она написала свою подпись — размашистую, с росчерком, подделать которую было невозможно.

Инга лично проследила, чтобы на кухонном столе не осталось ни одного ножа: ни большого, ни маленького, ни кухонного, ни охотничьего. Даже ножницы — и те она убрала в ящик и заклеила.

«Оружие», — думала она. — «В принципе, оружием может стать что угодно: вилка, карандаш, осколок стекла. Но я хотя бы уберу самое очевидное».

Когда родственники, ворча и переглядываясь, разошлись, Инга осталась в кабинете, подошла к окну и отодвинула портьеру — за окном была только белая пелена, метель не утихала. Она бушевала, выла, скреблась в стёкла, как загнанный зверь. Снег шёл стеной, скрывающей всё: небо, лес, дорогу. Мир сузился до этого опасного дома, где смерть уже сделала свой первый шаг.

— Три дня, — прошептала Инга. — Три дня и, возможно, три трупа, если верить классике.

Но она не верила в классику — она верила в факты и улики, поэтому выйдя в коридор, решила осмотреть дом. Степан не зря сказал про «интересное» — особняк и вправду был внушительный и жил своей, тайной, скрытой жизнью — жизнью стен, полов, потолков. Первый этаж, помимо холла и столовой, включал в себя кухню — современную, но стилизованную под старину, с медными кастрюлями на крюках, чугунными сковородами на полках и огромной русской печью. Пахло здесь травами — сушёными, развешанными пучками под потолком. Тимьян, розмарин, лаванда, запах которых должен бы успокаивать, но теперь он не успокаивал, а тревожил.

Далее шла библиотека. Полки её уходили вверх чуть ли не на два этажа. Книги — старые, в кожаных переплётах, с золотым тиснением на корешках, — стояли ровными рядами, как солдаты на параде. Между стеллажами были узкие проходы, в которых вполне мог спрятаться человек.

Бильярдная — комната с зелёным сукном на столе и киями в подставке. Сукно было новым — его перетягивали недавно. Кии — дорогими, ручной работы. Но на столе лежал шар — один, чёрный, — не убранный после последней партии.

«Кто играл здесь в последний раз?» — подумала Инга. — «И почему не убрали шар?»

Вот, наконец, и оружейная комната. Все ружья надёжно заперты в шкафу — тяжёлом, дубовом, с коваными петлями. Ключ от шкафа, как выяснила Инга, имелся только у Степана. Она проверила дверцу — заперто. Замок новый, надёжный. «Без ключа не открыть», — подумала она. — «Даже отмычкой».

Инга прошла мимо малой гостиной, где сейчас лежала Стелла, не заходя и не открывая дверь.

«Потом», — сказала она себе. — «Сначала — живые, мёртвые потом».

Вот и спуск в просторный подвал с арочным потолком из красного кирпича — старого, выцветшего, с белыми разводами соли на швах. Одну часть подвала занимали винные стеллажи. Бутылки лежали на боку — тёмное стекло, пыльные этикетки, имена французских виноделов, которые умерли сто лет назад. Другая часть — старой мебелью, накрытой чехлами.

Чехлы, когда-то бывшие белыми, посерели от пыли и времени. Под ними угадывались очертания стульев, столов, комодов, брошенных здесь, в темноте.

В глубине подвала Инга обнаружила дверь — тяжёлую, металлическую, с массивным засовом, задвинутым до конца, до упора. Инга подергала её — безрезультатно, металл даже не дрогнул.

— Это старый ледник, — раздался голос у неё за спиной.

Инга вздрогнула. Она не слышала шагов, только голос, возникший из ниоткуда.

Она обернулась.

На ступенях стоял Филипп. В руке он держал фонарь — старый, масляный, с пляшущим внутри огоньком. Свет его падал на лицо дворецкого снизу вверх, делая его похожим на череп. Глаза провалились в тень. Рот стал чёрной дырой.

— Прошу прощения, сударыня. — Голос его был спокойным, ровным. — Не хотел пугать. Хозяин велел мне показывать дом, если будете осматривать.

— Что за ледник? — спросила Инга.

— Раньше, когда дом только построили, здесь хранили продукты. — Филипп говорил спокойно, но его глаза то и дело уходили в сторону, где в темноте угадывалась стена. — Сейчас там пусто. Хозяин держит его запертым. Там есть ещё один выход на улицу, через хозяйственный двор, но его тоже завалило снегом.

— Ключ у Степана?

— Да, сударыня. Только у него.

Инга кивнула.

Она ещё раз посмотрела на дверь, на засов, на замок — такой же, как в оружейной.

«Что ты прячешь, Степан?» — подумала она. — «И от кого?»

Из подвала они поднялись наверх, на второй этаж с длинным коридором, терявшимся в полумраке. Вдоль него тянулись восемь спален. Каждая — со своей ванной, с высокими потолками, с окнами, выходящими либо в лес, либо во двор.

Инга заглянула в одну, в другую, в третью — везде практически одинаково: старинная мебель, тяжёлые портьеры, кровати с балдахинами. И тишина — такая, которая бывает только в домах, где кто-то умер или скоро умрёт.

Длинная галерея соединяла крылья дома. Стены её были увешаны картинами — пейзажи, натюрморты с увядшими цветами. Под ногами скрипел паркет — каждый шаг отдавался эхом, как выстрел. В конце галереи, за неприметной дверью — такой же, как все, без таблички, без опознавательных знаков, — обнаружилась лестница на чердак.

Инга поднялась в пыльное, тёмное, пахнущее мышами и временем помещение. Старые чемоданы, сломанные стулья, картины без рам — всё это лежало здесь, забытое, ненужное, как чужие воспоминания. А за чердаком — потайная комната. Та самая, о которой говорила Стелла — небольшой кабинет с единственным окном-иллюминатором, выходящим на крышу. В стене сейф, поменьше, чем в кабинете Степана, но такой же стальной, такой же надёжный.

— А это что? — спросила Инга, хотя уже догадалась.

— Это малый кабинет хозяина, — ответил Филипп. — Сюда он никого не пускает. Сейф в нём, я слышал, для особо ценных бумаг.

Инга провела рукой по стене. Камень был холодным и влажным — словно стена плакала.

«Тайная комната», — подумала Инга. — «Тайный сейф, тайные бумаги… что ещё ты прячешь, Степан?»

Она вернулась в галерею. Дом оказался настоящим лабиринтом. Переходы, лестницы, двери, которые вели в никуда. Идеальное место для убийств.

Уже стемнело. В коридорах зажглись тусклые бра — медные, старинные, с матовыми плафонами. Они отбрасывали длинные, колеблющиеся тени. Тени двигались — сами по себе, независимо от людей, независимо от света.

Инга вернулась в холл, где у камина стоял Аркаша. Он грел руки — протянув их к огню, как слепой, пытающийся понять, где находится. Огонь угасал, и угли светились тусклым, багровым светом — как раскалённые глаза. Аркаша был бледен и дрожал — мелко, часто, как осиновый лист — не от холода — в холле было тепло, от страха или от ломки.

— Не спится? — спросила Инга, подходя ближе.

Она встала рядом с ним — на расстоянии вытянутой руки. Достаточно близко, чтобы рассмотреть его лицо. Достаточно далеко, чтобы успеть среагировать, если он бросится.

Он не смотрел на неё. Смотрел на огонь, на угли, на что-то, чего Инга не видела. Затем спросил хриплым голосом:

— Вы, я слышал, детектив… настоящий?

— Да.

— Тогда найдите его быстрее...

Он повернулся к ней — резко, неожиданно, и в его мутных, воспалённых глазах она увидела то, что не ожидала увидеть никогда — мольбу. Умолять могут только те, кто уже потерял надежду… или — кто никогда её не имел.

— Потому что я знаю: я не убивал. — Голос его сорвался на шёпот. — И знаю, что у каждого здесь есть скелеты в шкафу. Особенно у тех, кто улыбается.

— У кого, например?

Аркаша открыл рот, чтобы ответить. И в этот момент на втором этаже раздался звук. Сначала глухой тяжёлый удар — так звучит тело, падающее на кафельный пол.

Потом — звон разбитого стекла, и следом — истошный крик Маши Садовской.

— Помогите! Кто-нибудь! Виктор! Виктор!

Инга рванула вверх по лестнице.

Она не бежала — она летела, перепрыгивая через три ступеньки, хваталась за перила, чтобы не упасть. Сердце колотилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев.

«Только не второй», — билось в голове. — «Только не ещё один».

Аркаша, спотыкаясь, побежал за ней. Сзади уже слышались шаги проснувшихся близнецов и тяжёлая поступь Степана — с тростью и хромотой.

Дверь в комнату Садовских распахнута настежь. Маша застыла на пороге ванной, прижимая руки к лицу. Её белый халат был забрызган чем-то тёмным… кровью.

Инга отодвинула её в сторону — осторожно, но твёрдо, как отстраняют ребёнка от края пропасти, и заглянула в ванную. Виктор Садовский лежал на кафельном полу, раскинув руки — широко, как распятый. Голова его была вывернута неестественно — под таким углом, под которым голова не должна поворачиваться. Из-под головы растекалась лужа крови, смешивалась с осколками зеркала. Осколки зеркала блестели — как множество маленьких глаз, которые видели смерть и не могли отвернуться.

— Он… он зашёл принять душ, — заикаясь, пролепетала Маша чужим — высоким, детским голосом. Она стояла в дверях, трясясь, и казалась такой маленькой и хрупкой.

— Я слышала звук… а потом удар… Я постучала, он не ответил… я открыла дверь… а он…

Она не договорила. Её глаза закатились, и она начала оседать на пол. Филипп, появившийся из ниоткуда, подхватил её — ловко, привычно, словно делал это сотни раз.

«Может, и делал», — подумала Инга. — «В этом доме, наверное, часто падают в обморок».

Опустившись на корточки и стараясь не наступить в лужу ещё тёплой крови, Инга осторожно приподняла голову Виктора. На затылке — глубокая рана, с неровными, рваными краями — удар был нанесён чем-то тяжёлым и тупым. Угол раковины? Край ванны? Или — специально принесённое оружие? На шее Виктора, чуть ниже кадыка, виднелись чёткие красные полосы — следы пальцев.

«Сначала задушили», — поняла Инга. — «А потом — либо добивали, либо имитировали несчастный случай, ударив головой об угол раковины и разбив зеркало — для правдоподобия».

Она выпрямилась и обернулась к двери. Семён и Пётр — бледные, молчаливые, с одинаково застывшими, напряжёнными лицами, смотрели на труп, но не видели его. Они видели что-то своё — какую-то внутреннюю картину, которую не хотели показывать.

Степан, опиравшийся на трость, смотрел на труп с мрачной обречённостью. Он не удивился, не испугался, не опечалился. Он смотрел так, будто знал — это должно было случиться.

Аркаша, стоя за их спинами, истерично хихикнул. Хихикнул — и тут же зажал рот рукой. Глаза его расширились — он сам испугался того, что смех вырвался наружу.

— Как это произошло? — спросил Семён.

Голос его звучал глухо — как из-под земли. Он переводил взгляд с Инги на труп, с трупа на Степана, со Степана — в пустоту.

— Мы все оставались в своих комнатах!

— Не все, — тихо сказала Инга.

Она посмотрела на каждого по очереди — в глаза.

— Я хочу знать, где каждый из вас находился последние полчаса.

Она перевела взгляд на Машу. Женщина всхлипывала, тряслась, пыталась что-то сказать — но слова застревали в горле, превращаясь в нечленораздельные звуки.

— И ты тоже, Маша, — добавила Инга. — Особенно ты.

Метель за окнами завывала с новой силой, словно оплакивала вторую жертву или пела погребальную песню. Словно сама природа знала то, чего ещё не знали люди: это ещё не конец... Женщина, убитая ядом, мужчина, задушенный и разбитый — двое за один вечер.

«Сколько их будет?» — подумала Инга. — «Трое? Четверо? Все?»

Она посмотрела на Степана. Тот стоял у стены, опершись на трость, и по-прежнему смотрел на труп без всякого выражения… абсолютно без всякого.

«Что ты знаешь, Степан? И что скрываешь?»

Где-то в глубине коридора скрипнула половица. Инга резко обернулась на звук — никого...

Только тень метнулась по стене — длинная, чёрная, похожая на человека. Но не успела Инга моргнуть, как тень исчезла.

«Это дом играет со мной?» — подумала она. — «Или уже крыша едет…»

Она посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Но внутри — там, глубоко, под рёбрами — поселился страх, когда поняла, что охотник может стать добычей.

«Убийца среди нас», — снова пронеслось у неё в голове. — «И он не остановится, потому что ему есть что терять».

Она достала блокнот, открыла чистую страницу и написала сверху, крупными буквами:

«КТО СЛЕДУЮЩИЙ?»

Снег за окном всё падал, а дом жил, дыша смертью.

Глава 3. Старые скелеты и новые тайны

Труп Виктора Садовского накрыли простыней и перенесли в ту же малую гостиную, где уже лежала Стелла. Тело несли братья Кривцовы с одинаково бледными, застывшими лицами. Они старались не смотреть в остекленевшие глаза покойного.

«Словно боятся увидеть в них себя», — подумала Инга.

Свет в коридоре мерцал, старинные бра отбрасывали длинные, дрожащие тени на стены. Маша, рыдая, кричала, что не останется одна в комнате, где убили её мужа, где зеркало разбито, а на кафеле — кровь. Её горе выглядело искренним… слишком искренним.

Инга смотрела на неё — на эту женщину в белом халате, забрызганном кровью, на эту вдову, которая только что потеряла мужа — и пыталась понять: где заканчивается правда и начинается ложь? Где горе перестаёт быть горем и превращается в спектакль? Актриса ли она… или всё-таки жертва?

Степан, вняв её рыданиям, выделил ей дальнюю спальню в другом крыле, рядом со своей.

— Чтобы была под присмотром, — пояснил он.

Его голос звучал ровно, спокойно. Сам он, по-видимому, ничего не боялся.

— В своём доме и стены помогают, — добавил Степан, когда Инга спросила, не хочет ли он, чтобы кто-то охранял его дверь.

— В своём доме и стены убивают, если за ними прячется убийца, — возразила она.

— Я не хочу, чтобы следующей жертвой стала женщина. Пусть Маша будет рядом со мной, под присмотром.

— Или вы просто хотите держать её под контролем… — парировала Инга, не смягчая слова и не подбирая более вежливые выражения, потому что время вежливости прошло.

В этом доме, где уже двое мертвы, нужна только правда, а не то, что за неё выдаётся.

— Она стала вдовой… а если завещание составлено в её пользу — то и главной подозреваемый.

— Ты слишком цинична для своих лет, — горько усмехнулся Степан.

— Я детектив, Степан. — Инга посмотрела ему в глаза. — Цинизм — часть моей профессии.

Собрав всех в холле, Инга объявила новые правила. Она стояла у камина — спиной к огню, лицом к собравшимся. Пламя освещало её сзади, превращая фигуру в тёмный силуэт.

— Теперь каждый будет находиться на виду, — она снова внимательно осмотрела всех.

Лица присутствующих вытянулись. Кто-то побледнел, по какой-то своей причине, а кто-то, наоборот, залился нездоровым румянцем. В воздухе повисло напряжение — такое густое, что казалось, его можно было пощупать руками. Протянуть ладонь — и наткнуться на невидимую, но плотную стену страха, подозрений и лжи.

— Всем рекомендую, для вашей безопасности, запираться в своих комнатах.

Инга обвела всех долгим взглядом, каждого — по очереди: Семёна, Петра, Машу, Аркашу, Степана, Филиппа, который стоял в тени у двери.

— Исключений не будет ни для кого, вне зависимости от статуса гостей или хозяев.

— Это ведь всё же дом, а не тюрьма, — возмутился было Степан.

Голос его звучал резко, с вызовом. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на Ингу с той смесью агрессии и страха, которая бывает у людей, привыкших подчинять, но внезапно оказавшихся подчинёнными.

— Нет, конечно, не тюрьма, хуже… — Инга не повысила голоса. — Это место преступления. И учтите, что пока не прибудет полиция, я здесь — закон.

Она повернулась к Аркаше, который стоял, прислонившись к стене, иначе он упал бы — рухнул, как подкошенный, как дерево, у которого подпилили корни. Стоял и смотрел в одну точку — туда, где ничего не было, только тени и мрак… только то, что он видел один.

В его позе чувствовалась такая глубокая обречённость, будто он уже мысленно попрощался с жизнью и знал, что не выйдет из этого дома живым, пытаясь раствориться — стать незаметным, невидимым, частью стены, частью этого дышащего смертью дома.

«Он ждёт», — поняла Инга. — «Он не борется, а просто ждёт, когда его убьют».

— Аркаша, — мягко обратилась она к нему. — Ты упомянул, что знаешь, у кого есть скелеты. Назови их, пожалуйста.

Аркаша вздрогнул, как от удара током. Тело его дёрнулось — нелепо, судорожно, как у куклы, которой обрезали управляющие нити. Если бы он мог провалиться сквозь землю прямо сейчас, то сделал бы это, не раздумывая. Его зрачки расширились — до черноты, до бездны. Он нервно облизал губы — сухие и потрескавшиеся.

— Я… я ничего не говорил.

— Говорил, — Инга сделала шаг вперёд. — В холле, перед тем как мы услышали крик Маши. Ты сказал, что у каждого есть скелеты в шкафу. Особенно у тех, кто улыбается…

Она замолчала, давая время для размышления.

— Кто улыбается?

Все взгляды обратились на Аркашу. Он сжался, втянув голову в плечи, и стал похож на побитую собаку — жалкую, дрожащую, готовую к удару, но не знающую, откуда он прилетит.

— Я… я имел в виду… — Голос его сорвался на шёпот. — Виктор улыбался… всегда улыбался, вот его и убили.

— Ты хочешь сказать, что знал о том, что Виктор будет следующей жертвой? — Голос Инги стал холодным, как лёд за окном.

— Нет! Нет! — Аркаша замотал головой — слишком быстро, слишком отчаянно. — Я просто… у меня нервы. Я не знал! Я никого не убивал!

— А что ты делал в момент убийства Виктора?

— Я стоял у камина! И разговаривал с вами!

— Это верно, — кивнула Инга. — Но я поднялась наверх сразу же, как услышала крик. А ты задержался.

— На секунду! — Глаза Аркаши наполнились слезами. — Я просто испугался!

— Довольно, — вмешался Пётр.

Он надвигался на Аркашу тяжело, как танк, не оставляя тому ни малейшего шанса на отступление. Каждый его шаг отдавался эхом — глухим, тяжёлым, как удар молота по наковальне.

Подойдя вплотную, он схватил Аркашу. Пальцы Петра впились в плечо Аркаши так, что тот поморщился от боли. Поморщился, но не закричал — только тихо, по-звериному, заскулил.

— Этот наркоман способен на всё, — Пётр с вызовом глядел на Ингу. — В его карманах наверняка найдётся доза или тот самый яд.

— Не трогай меня! — взвизгнул Аркаша, вырываясь. — Убери руки!

— Стойте! — крикнула Инга.

Но было уже поздно. В тот момент, когда Пётр дёрнул Аркашу за рукав, из кармана его куртки выпал небольшой пузырёк с тёмной жидкостью, перевернувшись в воздухе раз, другой. В ярком свете хрустальной люстры стеклянный пузырёк сверкнул зловещей искрой — зелёной, маслянистой, нездоровой и покатился по паркету, остановившись у ног Семёна.

Наступила мертвая тишина, слышно было только потрескивание дров в камине. Семён медленно наклонился, поднял пузырёк и поднёс к свету. Жидкость внутри выглядела густой и маслянистой. Она переливалась в свете лампы — тёмно-коричневая, почти чёрная, с красноватым отливом.

— Что это? — спросил Семён, глядя на побелевшего Аркашу.

Голос его звучал ровно — слишком ровно. Как у человека, который уже знает ответ, но хочет услышать его от другого.

— Это… это лекарство, — пролепетал Аркаша.

Слова вылетали из него с трудом — как камни из колодца. Каждое слово давалось с болью, с усилием, с чувством, что он подписывает себе приговор.

— Моё… я болею…

Инга подошла к Семёну и взяла пузырёк. Она отвинтила крышку — та поддалась легко, со щелчком. Осторожно поднесла к носу. Запах ударил в ноздри — резкий, химический, но — не миндальный. «Не цианид», — определила она. — «Но это явно и не лекарство».

— Что это, Аркаша? — повторила она вопрос Семёна, глядя ему в глаза.

Аркаша молчал, опустив глаза и уставившись в пол. По его щеке скатилась слеза, блеснув в свете камина — и исчезла, растворилась на его лице.

— Это метадон, — вдруг раздался громкий голос Степана.

Инга подняла голову. Степан стоял на верхней ступеньке лестницы. Стоял, опершись на трость, и смотрел на сцену внизу. Смотрел сверху вниз — как бог, как судья, как человек, который уже знает исход, но не вмешивается.

В его голосе не улавливалось ни осуждения, ни жалости — только усталая констатация факта.

— Я знаю, — продолжил он. — Я находил у него такие пузырьки раньше. Он наркоман. — Но это не делает Аркашу убийцей… или делает?

— Вы, все! — закричал Аркаша.

Он вырвался из рук Петра — неожиданно, с силой, которой никто от него не ожидал. Голос его сорвался на фальцет — высокий, истеричный, почти женский. В нём слышались нотки чего-то первобытного — отчаяния, страха, ярости.

— Вы все только и ждёте, чтобы повесить это на меня! Я приехал сюда, потому что ты, — он ткнул дрожащим пальцем в Степана, — обещал мне помочь! А вы все меня травите!

— Успокойся, — Инга спрятала пузырёк в карман. — Мы проверим содержимое. Но никакого самосуда, все расходятся по комнатам. Семён, Пётр, проводите Аркашу. И убедитесь, что он никуда не выйдет.

Близнецы переглянулись. Один взгляд — многозначительный, быстрый, как удар кинжала. В нём было всё: и понимание, и согласие, и что-то ещё — то, чего Инга пока не могла прочитать. Они взяли Аркашу под руки и повели наверх. Он не сопротивлялся, только тихо бормотал себе под нос что-то неразборчивое, бессвязное, похожее на молитву или на проклятие. Вскоре его бормотание стихло, растворившись наверху, в скрипе ступеней длинной лестницы и в шорохе собственных шагов.

Когда они ушли, Инга осталась в холле одна. Пламя в камине почти погасло, превратившись в ворох алых углей — горячих, пульсирующих. Они освещали комнату призрачным, неверным светом — светом, который не разгонял тьму, а только подчёркивал её.

Она подошла к камину и бросила в огонь новое полено. Оно было сухим и вспыхнуло быстро, весело, с треском. Пламя лизнуло кору, обняло её, приняло в себя, и в холле стало заметно светлее.

«Что-то не вяжется», — задумалась она. — «Первое убийство — отравление. Второе — удушение с последующим ударом... разный почерк».

Она потерла виски. Голова болела — глухо, ноюще, как перед грозой. Слишком много информации. Слишком много лжи. Слишком много трупов для одного вечера.

«Где связь?» — думала она. — «Какая нить соединяет Стеллу и Виктора? Что между ними общего?»

Она перебирала в голове факты: Стелла — сестра Степана и шантажистка, живущая на его деньги, зная о подделке документов; Виктор — муж Маши — тоже, возможно, что-то знал.

«Их убил один человек? Или разные? Если один — то почему так различаются способы? Если разные — кто другой убийца?»

Она понимала: всё это — лишь теоретические рассуждения. Стандартные модели поведения убийц, которые она изучала в академии. Но практика, как знала Инга, часто разносит все теории и стандарты вдребезги.

«Следователь от бога», — вспомнила она слова, брошенные в свой адрес бывшим начальником, майором Синявиным, однажды, ненароком, с усмешкой. А она запомнила… на всю жизнь.

«Бог тут ни при чём», — качнула головой Инга. — «Только факты, логика и холодный ум».

Она решила ещё раз осмотреть комнату Садовских. Поднявшись наверх, Инга аккуратно вошла в спальню. Дверь тихо скрипнула — жалобно, как бы извиняясь за то, что пропускает её туда, куда лучше не заходить. Из приоткрытой ванной доносился тяжёлый запах крови и смерти.

«Кровь всегда пахнет одинаково», — она непроизвольно поморщилась. — «И к этому запаху невозможно привыкнуть».

Она обошла комнату. Всё было в порядке — на первый взгляд. Чемоданы раскрыты, вещи аккуратно сложены, как при подготовке к скорому отъезду, а смерть никак не входила в их планы. На туалетном столике Маши лежала фотография. Инга взяла её в руки. Она и Виктор — на фоне синего, безмятежного моря, такого далёкого от этого снежного ада. Счастливые, улыбающиеся… «Всегда улыбался», — вспомнились ей слова Аркаши.

Она положила фотографию на место и открыла ящик столика. Там лежали документы — паспорта, страховки, какие-то счета. Женские украшения — недорогие, но изящные. Блокнот… Инга перелистывала его медленно, методично, страница за страницей. Списки покупок, заметки на память, зачёркнутые, ненужные записи.

И вдруг одна страница привлекла её внимание, точнее, надпись, сделанная рукой Маши, крупным, нервным почерком — с нажимом, с дрожью, с таким напряжением, что бумага в некоторых местах была продавлена насквозь. Инга прочитала: *«С. должен всё объяснить. Если он не сделает это до Нового года, я расскажу всё сама. Виктор не должен знать».*

Сердце Инги забилось быстрее. Она перечитала строчку дважды, чувствуя, как от этих слов веет опасностью.

«Кто такой «С.? Степан? Семён? Кто-то ещё? И что могла рассказать Маша?»

Инга аккуратно вырвала страницу, сложив вчетверо, и спрятала в свой блокнот — между пустыми листами, предназначенными для будущих записей. Улика или ложный след — время покажет.

Затем она осмотрела ванную. Картина предстала удручающая. Белый кафель — в тёмных брызгах. Кровь уже начала подсыхать, превращаясь в коричневые, липкие пятна. Зеркало разбито вдребезги — осколки лежали на полу, в раковине, в унитазе. Они блестели — как тысячи маленьких глаз, которые видели смерть и не могли закрыться.

Под её ботинком хрустнул осколок, как тонкий лёд. Она заметила, что дверь ванной запиралась изнутри на обычную защёлку. Сейчас защёлка была в открытом положении. Инга аккуратно провела пальцем по металлическому язычку. Тот двигался свободно, без заеданий. Возможно, Виктор впустил убийцу сам. Либо враг уже затаился в ванной, когда Виктор вошёл.

Она подошла к окну. Окно было маленьким — квадратным, с толстым стеклом, но худощавый человек мог бы в него протиснуться. Оно выходило на крышу пристройки, откуда можно запросто спуститься по водосточной трубе.

Инга толкнула раму. Створка поддалась с неохотой — заскрипела, застонала, и в помещение ворвались клубы снежного ветра — холодные, колючие, злые. В такой снегопад любые следы на улице уже давно замело.

«Смерть не может не оставить следов», — она захлопнула створку рамы. — «И не только в этом доме».

Закончив осмотр, Инга вышла из комнаты, спустилась вниз, к запертым дверям кабинета Степана, и постучала — трижды, негромко, но настойчиво. С той стороны послышалось движение — шарканье ног, стук трости, шелест одежды. Затем — щелчок замка.

— Заходи, — Степан посторонился, приглашая в комнату. — Я хотел с тобой поговорить.

В кабинете царил полумрак, лишь настольная лампа — старая, бронзовая, с зелёным абажуром, — освещала край письменного стола, а всё остальное тонуло в тени. Степан подошёл к роскошному бару — красное дерево, резные ножки, стеклянные дверцы, за которыми угадывались ряды бутылок. Он налил себе бренди — янтарного, тягучего, пахнущего дубом и временем. Инге предложил тоже.

— Откажусь, пожалуй, — бросила она. — Я на работе.

— Как хочешь. — Он сел в кресло.

Кресло скрипнуло под его весом. Он откинулся на спинку, прикрыв глаза на секунду. Когда открыл их снова, в них была только пустота.

— Ты нашла что-то в их комнате?

— Нашла.

Инга достала вырванную страницу и протянула ему.

— Что это значит?

Степан прочитал. Инга наблюдала за его лицом, как менялось выражение — от любопытства к узнаванию, от узнавания к тревоге, от тревоги к чему-то более тёмному, более тяжёлому. Тень, упавшая от абажура, сделала его черты жёсткими, почти зловещими, а в глазах появилась тревога — та самая, которую не спрятать и не залить бренди.

— Это не твоё дело, Инга…

— В этом доме теперь всё — моё дело, — Инга не отступила. — Пока я расследую убийство. Кто такой «С.»?

Степан помолчал. Молчание длилось долго — так долго, что Инга уже начала думать, что он не ответит. Что он поднимется, уйдёт наверх, запрется в своей спальне и оставит её наедине с вопросами. Но он ответил, отставив бокал. Бренди колыхнулось — янтарная волна ударилась о тонкие стенки, оставив на них маслянистый след.

— Ладно… — Он вздохнул — глубоко, как перед прыжком в холодную воду. — Это я… «С.» — это Степан. — Маша приехала ко мне месяц назад с жалобами на Виктора, который систематически избивал её.

Голос Степана стал тише, но в нём не было сочувствия, лишь очередная констатация факта — ещё один штрих к портрету хозяина этого дома.

— Она ходила с синяками, которые не могла скрыть даже толстым слоем пудры. Ей хотелось уйти, но он крупно задолжал опасным людям. Поэтому Маша просила у меня денег.

— И вы дали?

— Я предложил сделку. — Степан посмотрел на неё. В его взгляде было что-то... почти умоляющее. — Я даю ей сумму, достаточную, чтобы покрыть долги Виктора и начать новую жизнь. А она… она обещает хранить молчание о некоторых семейных обстоятельствах, которые я хотел бы оставить в тайне.

— Каких обстоятельствах?

Инга прищурилась. Тишина в кабинете стала тяжёлой. В ней таилось что-то неведомое — но смертельно опасное. Что-то, что могло разрушить этот дом до основания.

Степан встал и подошёл к окну, за которым бушевала метель. Снег бился в стекло — назойливо, настойчиво, как кредитор, требующий своё. Или желал стать свидетелем исповеди, пытаясь прорваться внутрь.

— Моя сестра Стелла была не просто мотовкой, — произнёс он, не оборачиваясь. — Она была шантажисткой.

Инга замерла.

— Стелла узнала много лет назад, что я… — Он запнулся: то ли слово застряло в горле, то ли признание было подобно ножу, который он вонзал в собственную грудь. — Что я не имею права на большую часть этого состояния. Дом, земли, счета — всё это по праву должно принадлежать сыну моего погибшего брата. Но тот пропал без вести много лет назад. Я… я подделал документы, чтобы оставить всё себе. Стелла знала об этом и годами вымогала у меня деньги.

Инга медленно опустилась в кресло, переваривая свалившуюся на неё информацию о фальшивом наследство, шантаже, подделке документов и, как итог — два трупа.

— А Маша? — спросила она. — При чём тут Маша?

— Маша — дочь того самого секретаря, который помогал мне с документами. Старик умер, но остались кое-какие бумаги. Она нашла их случайно — разбирая старый отцовский сейф после похорон.

Он помолчал.

— И пришла ко мне не только за деньгами на побег от мужа, но и с этими бумагами. Она хотела, чтобы я выкупил их.

— Банальный шантаж, — констатировала Инга. — Маша шантажировала вас.

— Мягко говоря, да… — горько усмехнулся Степан. — Но я предложил сделку. Я даю ей деньги, она отдаёт мне бумаги и уходит от Виктора. Мы договорились, что всё решится после встречи Нового года.

— Но Виктор погиб. И Стелла убита. — Инга встала. Подошла к нему ближе. — Теперь, когда Стеллы нет, а Виктор мёртв, Маша становится единственной, кто владеет компроматом на вас. И она становится богатой вдовой. Вы понимаете, как это выглядит?

Степан медленно повернулся к ней. В его глазах отразился огонь камина — алый, пляшущий, похожий на закат над полем битвы.

— Ты думаешь, Маша убила Стеллу и мужа, чтобы получить наследство и единолично завладеть компроматом?

— Я не думаю, — ответила Инга. — Я собираю факты.

Пауза.

— Но у неё вполне обоснованный мотив, доступ к вину и к Виктору.

— Маша — хрупкая женщина, — возразил Степан. — Она бы не смогла задушить мужчину.

— Если только он не находился под действием препаратов… — Инга не отступала. — Или если она застала его врасплох. Или если у неё был сообщник.

— Сообщник? Кто?

Инга задумалась.

В голове, как карты в колоде, мелькали лица. Семён и Пётр — с их пугающим единством, с их синхронными движениями и одинаковыми мыслями. Невозмутимый Филипп — дворецкий, который видел всё, но не говорил ничего. Аркаша — наркоман с пузырьком неизвестной жидкости. И, наконец, сам Степан — который, возможно, устранял свидетелей своего преступления.

— Я не знаю пока, — призналась она. — Но я обязательно узнаю.

В этот момент раздался стук в дверь — резкий, настойчивый. Так стучат, когда за спиной стоит смерть, а каждое мгновение может стать последним.

— Войдите, — Степан насторожился.

Дверь открылась, и вошел Филипп. В его обычно бесстрастных глазах читался страх.

— Прошу прощения, хозяин. — Голос его дрожал — чуть-чуть, едва заметно. — Барышня Инга… Там это… В подвале.

— Что в подвале? — Инга вскочила.

— Я спустился проверить отопление, и… — Филипп сглотнул воздух. Кадык его дёрнулся — резко, судорожно. — Там кто-то есть.

— Кто?

— Не знаю, сударыня. — Он покачал головой. — Я слышал шаги. И видел свет. Сначала я подумал, что мне почудилось, но звук повторился: глухой, крадущийся. Дверь в ледник заперта, как и всегда, а ключ у вас, хозяин.

Степан нахмурился, похлопал себя по карману и вытащил ключ.

— Ключ у меня, — подтвердил он. — И он никуда не девался.

— Ключ у вас, но дверь, очевидно, не заперта со двора, — вставил Филипп.

— Значит, кто-то проник в дом снаружи, — сделала вывод Инга. — Или кто-то из нас прячется там, где не должен.

— Или убийца готовит следующую жертву, — добавил Степан.

Они втроём спустились в подвал. С каждой ступенькой сырость становилась ощутимее. Она пробиралась под одежду — холодными, липкими щупальцами, — заползала за шиворот, добиралась до позвоночника. Пахло затхлостью, плесенью, старым вином — смесь, от которой кружилась голова.

Винный погреб был погружён во тьму. Филипп зажёг фонарь. Луч света заметался по стенам — выхватывая из темноты дубовые бочки, покрытые паутиной бутылки, старые, почерневшие от времени полки.

Они подошли к тяжелой закрытой металлической двери ледника. Степан достал ключ, вставил в замок и повернул. Замок щёлкнул, и дверь со скрежетом открылась.

В леднике из-за холода и сырости дыхание превращалось в облачка пара — белые, призрачные, тут же таявшие в темноте. Пахло землёй — сырой, тяжёлой, кладбищенской. И чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным.

«Смертью», — подумала Инга. — «Здесь пахнет смертью».

Филипп поднял фонарь. Луч света выхватил из темноты старые ящики, ржавые инструменты, сломанные стулья и… скорчившуюся в углу фигуру Аркаши.

Он сидел на полу — обхватив колени руками, прижав подбородок к груди и трясясь, как в лихорадке. Одежда его перепачкалась какой-то липкой грязью, волосы слиплись и висели сосульками. Дыхание было прерывистым — сбивчивым, как ритм испорченного метронома, а глаза — красные, безумные, — уставились на свет, как у зверя, который загнан в угол и знает, что выхода нет.

— Аркаша?! — воскликнула Инга. — Как ты здесь оказался? Ты же должен быть в своей комнате!

Аркаша поднял на неё мутный взгляд и прошептал едва слышным голосом:

— Я… я не могу там оставаться. Она меня убьёт...

Пауза.

— Я знаю, кто убийца. Я видел.

— Кто? — Инга опустилась перед ним на корточки.

Аркаша судорожно сглотнул. Кадык его дёрнулся — резко, болезненно. Глаза наполнились слезами — мутными, грязными, как вода в луже после дождя.

— Это… это она, Маша. — Голос его сорвался на шёпот. — Когда я шёл к камину, то увидел её выходящей из ванной после того, как убили Виктора. У неё на руках я заметил кровь.

Она разглядывала свои ладони — как будто не понимала, что на них такое. Потом мыла руки в коридорной раковине.

Инга покачала головой. Обвинение было серьёзным... слишком серьёзным, чтобы основываться на словах наркомана.

— Почему ты не рассказал сразу?

— Потому что Машка меня убьёт! — закричал Аркаша.

Голос его разнёсся по леднику — гулко, страшно, как выстрел в закрытой комнате. Кричал он с такой силой, с таким отчаянием, что казалось, сейчас его лёгкие разорвутся.

— Она уже убила двоих, эта психопатка!

— Тише, — раздался голос Степана, подошедшего ближе.

Трость его стучала по каменному полу — глухо, ритмично, как похоронный марш.

— Филипп, принеси воды… хотя нет, постой, мы все вместе пойдём в дом.

— Я не вру! — Аркаша схватил Ингу за руку.

Пальцы его были ледяными, и цепкими — как когти, как клещи, как что-то, что не хотело отпускать. Они впились в её запястье с неожиданной силой — силой отчаяния, силой страха.

— Я знаю, я наркоман, вы мне не верите, но это правда! Она сказала Виктору, что хочет поговорить с ним в ванной, чтобы никто не слышал. А потом… потом…

— Хорошо, — Инга не высвободила руку, не отшатнулась, не показала слабости. — Мы разберемся... а сейчас ты пойдёшь со мной и будешь под моей охраной.

Она помогла Аркаше подняться. Он от слабости едва держался на ногах, пошатывался, цеплялся за Ингу, дыша часто и мелко.

Когда они вышли из ледника и направились к лестнице, их встретили Семён и Пётр. Близнецы стояли неподвижно — как два изваяния… два стража на ступенях, преграждая путь. Их одинаковые лица в полумраке казались двумя масками — снятыми с одного мертвеца.

— Что случилось? — спросил Семён. — Мы искали его повсюду. Он сбежал?

— Он прятался в леднике, — ответила Инга. — И утверждает, что видел убийцу.

— Кого? — одновременно спросили близнецы.

Инга посмотрела на них. Потом на Степана. Потом на дрожащего Аркашу.

— Пока я не могу сказать. Но скоро мы всё выясним. А сейчас — всем спать. Утро вечера мудренее.

Она повела Аркашу наверх, спиной чувствуя на себе тяжёлые, недоверчивые взгляды близнецов. Они не сводили с них глаз — пока они не скрылись за поворотом лестницы. Инга понимала: слова наркомана — не улика. Он может лгать, может заблуждаться или видеть то, чего не было.

«Но в этом доме, — думала она, — где каждый лжёт, где каждый скрывает свой скелет в шкафу или в голове, правда может стоить жизни».

Она заперла Аркашу в свободной комнате рядом со своей.

Проверила окна — заперты. Проверила замок — надёжен. Села в кресло у двери, положив на колени тяжёлый фонарь, и стала слушать. Она прислушивалась к каждому шороху, к каждому потрескиванию половиц. А за окнами выла метель, словно стая голодных волков.

«Кто следующий? — думала Инга.

Она закрыла глаза. Не спать — просто дать отдых воспалённому мозгу. Перед внутренним взором проплывали лица: Семён и Пётр — два одинаковых стража или два убийцы? Маша — вдова, которая стала богаче на одно состояние? Степан — фальшивый наследник, устраняющий свидетелей? Аркаша — наркоман, который знает больше, чем говорит? Филипп — дворецкий, который видел всё, но молчит?

«Или все они? Или никто?»

Она открыла глаза. Сквозь щель в портьере пробивался серый, предрассветный свет, означавший, что ночь кончалась, но кошмар — нет.

«Сколько ещё тайн скрывают стены этого проклятого особняка?»

Она встала и, подойдя к широкому окну в коридоре, отодвинула портьеру. Снег всё падал и падал: белый, бесконечный, равнодушный.

«И сколько ещё крови прольётся, прежде чем всё кончится?»

Этого она не знала, но понимала главное:

«Убийца среди нас. И он не остановится, потому что ему есть что терять. Или, что гораздо хуже — терять ему нечего…»

Глава 4. Ночной гость мертвецов

У двери комнаты Аркаши Инга дежурила, не сомкнув глаз, до самого рассвета, сидя в старинном мягком кресле, а на её коленях лежал большой тяжёлый фонарь — своеобразное орудие самозащиты в доме, где пахло смертью.

В третьем часу ночи, когда тишина стала особенно липкой и зыбкой, она услышала шаги в коридоре — осторожные, крадущиеся. Кто-то двигался от лестницы в сторону их крыла — медленно, с какой-то неестественной плавностью, будто шёл не человек, а призрак, ещё не научившийся ступать по материальному миру. Инга замерла — ни одного лишнего движения, затем начала подниматься из кресла, которое предательски скрипнуло.

В полумраке, где редкие бра отбрасывали на стены рваные пятна света, двигалась фигура, явно женская, в халате и с распущенными волосами, чёрные пряди которых падали на плечи. Половицы поскрипывали под весом тела — кто-то тщетно старался ступать очень тихо.

Маша Садовская шла по холодному полу и в её руке горела свеча в старом, тёмного серебра подсвечнике. Пламя дрожало, отбрасывая пляшущие тени на стены, и в этом неверном свете лицо женщины казалось восковой маской — бледное, застывшее, с пустыми глазами. Инга выскользнула в коридор и бесшумно, как тень, проследовала за ней, охваченная тяжёлым предчувствием. Она держалась на расстоянии в несколько шагов — достаточно близко, чтобы не потерять её из виду, и достаточно далеко, чтобы не выдало собственное дыхание, если оно вдруг станет слишком громким.

Маша, не оборачиваясь, двигалась к лестнице, ведущей на первый этаж, затем спустилась в тёмный холл — темнее, чем коридор. Камин погас давно, и лишь редкие угли тлели под пеплом, изредка вспыхивая багровыми отсветами на стенах. В этих вспышках стены казались облитыми кровью, а тени — живыми существами. Не останавливаясь, она пересекла холл, прошла мимо столовой, где ещё чувствовался запах вчерашнего ужина, и направилась в сторону малой гостиной — той самой, где лежали тела.

Инга замерла у поворота, наблюдая, как Маша остановилась перед запертой дверью. Женщина стояла так неподвижно, что казалась частью стены — статуей скорби, изваянной из мрамора и отчаяния, которую какой-то жестокий скульптор забыл в этом проклятом доме. Свеча в её руке дрожала, и тени плясали по её лицу, высвечивая незнакомые морщины, проявившиеся за одну ночь.

— Маша, — тихо окликнула Инга, выходя из укрытия.

Женщина не вздрогнула, даже не повела плечом. Она медленно повернула голову, и Инга увидела её лицо — не испуганное, не удивлённое, не затравленное, а бесконечно усталое. Словно она несла эту ношу не один час и не одну ночь, а целую жизнь.

— Я знала, что ты пойдёшь за мной, — сказала она.

Голос её не дрожал. В нём не чувствовалось ни страха, ни истерики, ни той искусственной храбрости, которую надевают, как доспех, перед лицом опасности — только пустота человека, который потерял всё, в том числе и страх.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Инга, хотя уже знала ответ.

Маша посмотрела на дверь долгим, тяжёлым взглядом.

— Хочу попрощаться, — сказала она. — С Витей. Я не успела… когда его убили, я так кричала, так боялась… так боялась, что даже не взглянула на него. В последний раз…

Инга шагнула ближе — осторожно, как к раненому зверю, который может броситься в любой момент.

— Тебе не стоит здесь быть одной. Убийца всё ещё в доме.

Маша усмехнулась.

— Убийца? — переспросила она, и в голосе её зазвенела сталь. — Ты думаешь, меня это пугает после всего, что я видела? После того, как я нашла его в луже крови?

Она замолчала. В тишине стало слышно, как за окнами воет ветер — жалобно, по-собачьи, бросая пригоршни крупного, колючего снега, бившегося в стёкла миллионами белых мотыльков.

— Тебя видели, Маша, — сказала Инга, делая ещё один шаг. Теперь их разделяло не больше трёх метров. — В коридоре. Когда все поднялись на крик. Ты выходила из ванной.

Свеча дрогнула в руке Маши. Воск капнул на пол — тяжёлая, белая слеза, застывшая на вековом дубе.

— Аркаша видел тебя, — продолжила Инга, и голос её стал тише, почти ласковым, как у священника на исповеди. — Видел твои руки в крови. Ты отмывала их в коридорной раковине.

Наступила долгая, тяжёлая тишина. Секунды превратились в минуты. Минуты — в столетия.

Маша смотрела на Ингу, и в её глазах что-то менялось — медленно, как таяние ледника. Пустота уходила, уступая место чему-то живому, болезненному, похожему на боль. Но не на ту острую, режущую боль, от которой кричат. А на ту, глухую, хроническую, которая живёт внутри годами и выгрызает человека изнутри, как рак.

— Да, — наконец сказала она. — Это правда.

Инга ждала. Она научилась ждать за годы работы — ждать, когда преступник сам заполнит тишину словами, потому что тишина для виновного страшнее любого допроса.

— Но я не убивала его, — продолжила Маша, и голос её задрожал — впервые за этот разговор. Задрожал и разбился на тысячу осколков. — Я зашла в ванную после того, как услышала шум. Я открыла дверь и увидела Виктора… он лежал на полу, а рядом… рядом стоял кто-то.

— Кто? — вопрос Инги был острым, как бритва.

— Я не видела лица, только тень — он выскочил в окно, пока я стояла в дверях. Я подбежала к Виктору, пыталась помочь, но он уже не дышал. Я перепачкалась в крови, когда поднимала его голову… а потом… потом я испугалась.

— Чего?

— Что подумают на меня... — Маша произнесла эти слова тоном признания в самом постыдном из грехов. — У меня есть мотив — я же знала про завещание и слышала, как Стелла говорила с братьями, что Степан собирается оставить мне что-то. А потом я услышала шаги в коридоре и поняла, что если меня увидят такой, то решат, что это я.

— И ты вымыла руки и вышла.

— Да. — Маша опустила голову. Пламя свечи осветило её макушку, пробор в волосах. — Я дура… мне следовало бы остаться и позвать на помощь. Но я испугалась… ты даже не представляешь, как я испугалась. Нет, не страха смерти, — добавила она, поднимая глаза. — Это страх быть непонятой.

Инга молчала. В голове её шестерёнки вращались с той скоростью, с которой могут вращаться только у профессионала. Всё, что сказала Маша, могло быть правдой — правдой, рождённой из трусости и отчаяния. А могло быть искусной ложью — ложью, которую женщина репетировала в своей комнате все эти часы, лёжа без сна на чужой постели и глядя в потолок, на котором трещины складывались в слова обвинения.

Женщина, которая нашла мужа в луже крови, могла испугаться обвинений. Это звучало почти правдоподобно — настолько, что хотелось верить. Но Маша уже солгала однажды. Солгала, скрыв от всех своё присутствие на месте убийства. А ложь, как известно, порождает только недоверие. Ложь — это трещина в фундаменте. И если трещина есть, рано или поздно рухнет всё здание.

— Иди в свою комнату, Маша, — сказала Инга, и голос её прозвучал устало — так разговаривают с ребёнком, который только что разбил вазу и плачет, но не потому, что ему стыдно,

а потому что жалко себя. — Мы поговорим утром. И если ты знаешь что-то ещё — что-то, что может помочь найти убийцу, — ты должна мне рассказать.

Маша кивнула, не поднимая глаз. Она развернулась и медленно пошла обратно к лестнице. Свеча в её руке мерцала, отбрасывая на стену длинную, колеблющуюся тень. И Инге на мгновение показалось — всего на одно безумное, иррациональное мгновение, — что тень живёт своей жизнью и тянется к ней костлявыми пальцами.

Она вернулась к комнате Аркаши и снова села в кресло. Кресло скрипнуло, принимая её назад, как старого, усталого друга. В голове крутились обрывки разговоров, лица, улики — всё это не складывалось в цельную картину, а вращалось в хаотичном танце, как осколки разбитого зеркала, в котором отражается один и тот же вопрос: Кто? Кто убил Стеллу?

Невесть откуда взявшийся яд в её бокале — мышьяк? Стрихнин? Что-то более изощрённое? Кто мог подсыпать его, когда все сидели за одним столом? Филипп, разливавший вино? Пётр, сидевший рядом? Семён, который встал, чтобы поправить штору? Или Степан — сам хозяин дома, который временами смотрел на сестру с такой ненавистью?

Слишком много вариантов. Кто убил Виктора? Маша с её кровавыми руками, которые она мыла в раковине, глядя в зеркало на своё бледное, перепуганное лицо? Кто-то, проникший через окно — призрак, тень, профессиональный убийца, нанятый тем, кому это выгодно? Или один из тех, кто, как и все, якобы находился в своей комнате — но на самом деле крался по коридорам и заглядывал в двери? И главное — зачем?

Инга достала свой блокнот — потрёпанный, в кожаной обложке, исписанный мелким, бисерным почерком. При свете фонаря она записала всё, что узнала за эту ночь. Слова Маши и показания Аркаши — сбивчивые, путаные, но в них чувствовалось что-то похожее на правду, странная запись в блокноте покойной Стеллы — несколько строчек, которые могли быть шифром, а могли быть бредом, признание Степана о поддельных документах — признание, которое он сделал с такой неохотой.

Всё это напоминало клубок ниток. Старый, пыльный клубок, который хранился на чердаке много лет. Концы затерялись в самой глубине, и чтобы распутать его, нужно найти начало. А это почти всегда самое трудное.

Она посмотрела на часы: половина седьмого. За окнами начинало сереть — тем серым, предрассветным светом, который не добавляет надежды, а только подчёркивает уродство ночных теней. Снегопад немного утих, но небо оставалось тяжёлым, свинцовым, похожим на крышку гроба, которую вот-вот захлопнут. Новый буран обещал быть не лучше вчерашнего.

Инга встала, размяла затёкшие ноги — кровь загудела в венах, напоминая, что тело всё ещё живое, даже если душа уже несколько часов бродит где-то в лабиринтах этого проклятого дома. Она решила, что пора будить обитателей. Чем раньше она начнёт задавать вопросы, тем меньше времени у убийцы останется, чтобы замести следы — вытереть кровь, спрятать орудие, придумать алиби.

Она спустилась на первый этаж, собираясь разжечь камин и приготовить кофе — чёрный, горький, обжигающий, такой, какой она любила в моменты, когда нужно выжать из себя последние капли ясности.

Но на кухне её уже ждал Филипп. Дворецкий стоял у плиты, помешивая что-то в кастрюле деревянной ложкой, и выглядел так, будто вовсе не ложился спать. Фрак на нём безупречен, седые волосы зачёсаны назад, и только мешки под глазами выдавали, что ночь у него выдалась не легче, чем у неё.

— Доброе утро, сударыня, — сказал он, не оборачиваясь, ровным голосом, но в нём чувствовалась та особая вежливость, которой слуги говорят в домах, где кто-то умер.

— Кофе будет готов через минуту.

— Вы не спали? — спросила Инга, садясь за большой деревянный стол с уже расставленными тарелками и приборами — Филипп, как обычно, продолжал выполнять свои обязанности.

— Спал, сударыня, но мало. В таком доме, как этот, привыкаешь просыпаться от любого шороха.

— Вы давно служите у Бражника?

Филипп повернулся к ней, держа в руках старый, медный кофейник, начищенный до блеска. В его глазах мелькнуло что-то, отдалённо похожее на улыбку. Но только отдалённо.

— Семь лет, сударыня.

Инга взяла чашку, сделала глоток. Кофе оказался крепким и горьким — таким, какой она любила — с нотками горечи, которая оставалась на языке долго после того, как сделан глоток.

— Филипп, — сказала она, ставя чашку на стол и обхватывая её ладонями, чтобы согреть застывшие пальцы. — Вы видели, что происходило в столовой перед смертью Стеллы, ведь она сама подвинула бокал, когда вы наливали. Вам ничего не показалось странным? Никто не подходил к ней? Никто не касался её бокала?

Филипп задумался. Он медленно, с какой-то церемониальной торжественностью, протёр край стола полотенцем, хотя тот и так сиял.

— Госпожа Стелла заметно нервничала, — наконец сказал он. — Она постоянно оглядывалась и поправляла волосы — знаете, тот нервный жест, когда женщина не может найти себе места. Я подумал тогда — ну, волнуется женщина перед оглашением завещания, и немудрено. Но теперь я думаю, что она, возможно, предчувствовала — знала или догадывалась — что кто-то хочет ей навредить.

— А потом? После того, как вы разлили вино, но до того, как она выпила?

— Я отошёл к буфету, чтобы взять соусник. Может быть, секунд тридцать — не больше. Когда я вернулся, все уже подняли бокалы.

— Значит, в эти тридцать секунд кто-то мог подсыпать яд.

— Мог, — согласился Филипп. — Но я не видел. Хотел бы я сказать иначе, но правда есть правда.

Инга кивнула, делая пометку в блокноте.

— А что насчёт Виктора? Вы что-нибудь заметили в тот вечер? Кто-то выходил из-за стола? Кто-то отсутствовал слишком долго?

Филипп помолчал дольше обычного. Его лицо — всегда спокойное, невозмутимое, похожее на лицо монаха, давшего обет молчания — вдруг стало растерянным.

— Я не хочу бросать тень на невиновных, сударыня, — сказал он тихо.

— Филипп, — Инга повысила голос ровно настолько, чтобы он почувствовал сталь в её тоне. — В этом доме убиты два человека. Если вы что-то знаете — даже если вам кажется, что это пустяк — вы обязаны сказать.

Дворецкий вздохнул — глубоко, как человек, который готовится нырнуть в ледяную воду. Он положил полотенце — аккуратно, промокнув сначала левую руку, потом правую, — и сел напротив Инги. Первый раз за всё время, что она его видела, он позволил себе такую вольность.

— После ужина, когда все разошлись, я заметил, что господин Аркадий… как бы это сказать… не совсем контролировал себя. — Филипп говорил медленно, взвешивая каждое слово, как ювелир взвешивает бриллианты. — Он ходил по коридорам. Заглядывал в каждую дверь. Я спросил, не нужно ли ему помочь — может быть, воды, может быть, проводить до комнаты. Но он ответил грубо — сказал, чтобы я шёл к чёрту.

— Видели, куда он направился?

— На второй этаж, в крыло, где жили господа Садовские.

Инга почувствовала, как холодок пробежал по спине — не холод страха, а та самая дрожь, которая всегда предшествует разгадке.

— В какое время это было?

— Часов в десять, может, в половине одиннадцатого. Я не смотрел на часы, простите.

— А убийство Виктора произошло около одиннадцати, — медленно сказала Инга, и её пальцы, лежащие на блокноте, замерли. — Значит, Аркаша мог быть там… когда Виктор пошёл в ванную.

— Мог, — тихо подтвердил Филипп. — Но я не утверждаю, что он убийца. Господин Аркадий болен — болезнь делает его странным, пугающим иногда, но не обязательно жестоким.

Инга допила кофе одним долгим, жадным глотком. Горечь приятно обожгла горло.

— Спасибо, Филипп. Вы помогли.

— Я не уверен, что помощь в оговоре больного человека — это помощь, — вздохнул дворецкий, поднимаясь. — Но я сказал правду. А правда — она иногда как кислота — разъедает всё, с чем соприкасается.

Инга вышла из кухни и направилась к лестнице. Пора будить подозреваемых и начинать новый день — день, который наверняка принесёт новые вопросы. А возможно, и новые смерти, если она не успеет опередить убийцу.

На верхней площадке она столкнулась с Петром Кривцовым. Он стоял, прислонившись к перилам — широкоплечий, тяжёлый. Его взгляд — испытующий, похожий на прицел винтовки — упёрся в неё ещё до того, как она поднялась на последнюю ступеньку.

Инга заподозрила, что он тоже не ложился.

— Не спится? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

— В доме, где по коридорам бродят убийцы, спать трудно, — ответил Пётр. — Ты что-нибудь нашла?

— Работаю над этим.

— Работаешь? — он усмехнулся, но усмешка вышла кривой, нервной, как свежий шрам. — Скажи лучше — делаешь вид, что работаешь. Дальняя родственница, которая приехала за своей долей наследства и не спешит звонить в полицию.

Инга почувствовала, как внутри неё закипает холодная, профессиональная злость.

— Если ты хочешь меня в чём-то обвинить, Пётр, говори прямо.

Он сделал шаг к ней. Один шаг — но этого хватило, чтобы она ощутила его массу. Под рубашкой перекатывались мышцы, и Инга на мгновение представила, как легко эти руки могли бы сжать чью-то шею.

— Я никого ни в чём не обвиняю, — сказал он. — Я просто смотрю на факты. Приехала женщина-детектив. И через час после её появления умирает Стелла. Потом — Виктор. А эта женщина почему-то не спешит звонить в полицию.

— Связи нет. Ты сам проверял...

— А может, она и не хочет, чтобы полиция приехала? — Пётр наклонил голову, и в его глазах зажглась странная, нездоровая искра. — Может, у неё свои планы?

Инга выдержала его взгляд, не отводя глаз.

— Если у тебя есть доказательства, Пётр, предъяви их. Если нет — не трать моё время.

Она обошла его — так, чтобы он не мог коснуться её плечом, — и направилась к комнате Аркаши, спиной чувствуя тяжёлый, злой взгляд.

Аркаша сидел на кровати, обхватив голову руками, когда Инга вошла. Выглядел он ужасно. Синяки под глазами, трясущиеся мелко, нервно, руки — такое случается у людей, чей организм отвык от жизни без дозы. Лоб блестел от испарины — липкой, холодной, как утренняя роса на надгробном камне.

— Я не убивал, — прошептал он, не поднимая головы. — Я знаю, что вы все на меня думаете — но это не я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.